

ЖУРНАЛ

№ 30. Выходит ежемесячно (52 № в год), с приложением 52 книг "Сборника", содержащих сочинения М. ГОРЬКОГО, С. Я. НАДОРОЖНОГО, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 № в ежемесячного иллюстрированного приложения для детей. Выдан 29 июля 1917 г. Подписанная цена съ дост. и перес. на голд.—14 р., на $\frac{1}{2}$ года—7 р., на $\frac{1}{4}$ года—3 р. 50 к. Цена этого № (без прилож.)—20 к., съ порос. 25 к.

Перепечатка иллюстраций и текста воспрещается. (Закон 20-го марта 1911 г.).

Иллюстрация А. Семёнова. Изображение было получено из коллекции Альбома художников

Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

А. Семёнов.

Голова китайца.

Рассказъ Владимира Войнова.

Иллюстрація И. Горошину-Сокорукоподова.

I.

Въ день объявленія войны, когда по улицамъ Лондона бѣзко- нечными толпами ходили манифестанты, профессоръ Заблоцкій отправилъ въ Россію, одну изъ другой, три телеграммы.

Содержаніе ихъ осталось тайной какъ для "миссъ Вѣра", дочери уважаемаго профессора, такъ и для близкайшаго помощника его въ лабораторныхъ работахъ, студента-геолога Таджі Картина; но въ томъ, что оно было очень значительнымъ, не сомнѣвался никто: ужъ если такой уравновѣшенный человѣкъ, какъ, "сыръ Николай Заблоцкій", не сумѣлъ скрыть волненія, ставшаго теперь постояннымъ въ часы получения утренней корреспонденціи, то, стало-быть, имъ были сданы очень отвѣтственные шаги; за это ручалось громкое имя крупнаго общественнаго збѣгства; обѣ этомъ говорила серьезность момента, переживаемаго теперь ею родиной; къ этому обязывали его высокая гражданская чувствота, о которыхъ давно уже были наслышаны близкіе профессору люди.

Все это вѣдало вокругъ его имени атмосферу тревожного ожиданія; и, кромеъ "миссъ Вѣра" и юного Таджі Картина, оказались еще достаточное количество людей, заинтересованныхъ въ отвѣтѣ на посланные телеграммы.

Первые шесть дней всѣльѣ за этии профессоръ не прекращалъ посѣщать музеи и научныи общества; лекции онъ шли въ обычномъ порядкѣ, а въ докладахъ свои онъ сумѣлъ внести горячую любознательность, но потому, что рѣшительно обнажилъ себѣ нездоровьемъ и замерз въ кабинетѣ.

Таджі Картина, надѣжливѣй, помимо другихъ положительныхъ качествъ, еще мало свойственныхъ его возрасту чувствомъ таты, заходилъ генеръ только въ учрежденія cities и органическихъ короткихъ реаликіяхъ:

— Добре утро, миссъ Вѣра!

— Здравствуйте, Таджі!

— Какъ здоровы профессоръ?

Вѣра начально вздыхала и прикладывала пальцы къ губамъ. Таджі тоже вздыхалъ, слыши въ землю, потомъ энергично жалъ руку дочери своего учителя и, почитительно опустивъ голову, удалялся.

Только на тридцатый день получился отвѣтъ. Всего на одну лишь минуту задержалась въ рукахъ у профессора сыръ конвертъ съ телеграфомъ сургучной печатью: въ слѣдующий моментъ разорванное въ клочки письмо падало въ каминъ, а профессоръ, съединивъ костяными пальцами въ свою пышную пшеничную и съ разрывомъ болѣе у充实 въ кабинетъ.

До семи часовъ вечера оттуда съльши были всхрики, короткие шаги; потомъ дверь отворилась, и Вѣра едва ли вскрикнула.

Она похудѣла, покраснѣла; спина застѣнѣлась подъ тѣжестью свѣтлой, упинѣщей изъ орбиты глаза; орѣлы сухими, нездоровыми отмычи, а въ лѣвой сторонѣ головы стала блѣдой.

Что съ вами?—хотѣла было спросить Вѣра, опущаща, какъ руки ей холодаютъ отъ ужаса.

Но профессоръ уже побороть себѣ.

Она сѣла, подошла къ дочери и ласково потрепала ее по чѣкѣ влаганой ладонью.

— Не зловѣшь, Вѣрка! Если они думаютъ, что профессоръ Заблоцкій можетъ остановить "иступствъ" помочи съ ихъ стороны, то они глубоко заблуждаются... Будущее же покажетъ—кто правильнѣе оцѣнить нужды человѣка: я или эти ученыи фарисеи.

Профессоръ опять поднялъ 10-и и уже совершиенно спокойнѣе сказалъ:

— Позови Картина! Если не занять, пускъ немедленно прѣѣдетъ ко мнѣ.

Черезъ сорокъ минутъ Таджі Картина сидѣлъ въ кабинетѣ профессора и слушалъ.

— Вотъ что, мой моло-дѣ-ръ!—говорилъ профессоръ.—Дѣ-нейтъ тому назадъ я телеграфировалъ въ Россію Обществу, зани-мающимъся геологическими нау-ками: о необходимости немедленно организовать экспедицію въ одинъ изъ отдалѣнѣйшихъ частей Азіатской Россіи. Въ руково-дѣли я предлагаю себѣ. Цѣль и значеніе этого предложенія настолько серьезны, что я не на-шель возможнѣй открыть ихъ сейчасъ. Мѣръ казалось, что имъ моя и мой іравнственный авторитетъ убѣдятъ ученыхъ коллегъ въ необходимости и жизненности задуманнаго мною пред-приятія. Къ сожалѣнію, было не такъ. Сегодня я получу чакъ съ категорическимъ отвѣтомъ. Общество взять подъ свое покро-вительство мою экспедицію... Сейчасъ, въ моментъ подготовки страны къ великой войнѣ, мы находимъ несвоевременными ка-кій бы то ни было экспедиціи!—быть точнѣа монтировка отвѣта. Это печальнѣо! Это чрезвычайно печальнѣо! И начально не то въсѣ, что мѣръ, человѣку съ европейскими именемъ, на трудахъ котораго воссияютъ цѣлымъ покотѣмъ, отказали въ какой-то, достаточно дешевої, санкціи; а то, что цѣлое ученое Общество не оказалось на высоцѣ пониманія государственныхъ

задачъ въ сердцевину и отвѣтственную передъ цѣльмъ народомъ минуту! Къ сожалѣнію, я и въамъ, моло-дой другъ, не имѣю возможности развить моя мысли болѣе определено. Да и не для этого я пригласилъ васъ къ себѣ. Дѣло въ томъ...

Профессоръ поднялся и опять возбужденно зашагалъ по ком-натѣ.

— Дѣло въ томъ, чортъ возьми, что я никогда еще въ жизни не бросалъ своихъ словъ на вѣтеръ! И если я что-нибудь решу...

Голосъ профессора сталъ звонкій и звучалъ, какъ труба, вспыхнувшая въ бой.

— Я пригласилъ васъ къ себѣ, чтобы запомнить черезъ васъ сту-дентамъ о моемъ рѣшеніи покинуть каадеру!

Картина застылъ у стѣны.

— Коллегъ профессоровъ я сообщу о своемъ отвѣтѣ самъ лично!

— Но...—попытался было сказать что-то Картина.

— Никакихъ "но!"—оборвалъ его рѣзко учителъ.—Если рус-ское Общество находить мою экспедицію "несвоевременной", то я нахожу ее своевременной, чортъ ихъ побери, эти научные общества! Зантра же я начинамъ готовиться по пути и передъ лицомъ всего ученого мира фактами доказуя всю иницію и убѣдость ихъ кабинетныхъ постановленій!

Вѣра смотрѣла теперь на отца съ жуткой радостью.

Половина его головы оставалась склонъ, къ сожалѣнію. Но осанка опять стала гордой и энергичной, а въ глазахъ зажигались теперь не больныи огни испущающаго внутреннаго пожара, а искры стальной рѣшимости, о которую стучали острѣи крем-немъ, противостоятъ.

Картина стоялъ передъ имъ блѣдныи, подобраныи.

Выслушавъ до конца, онъ подошелъ къ профессору.

— Если сэръ нуженъ помощникъ,—выдавъ онъ изъ себя не-ожиданно,—и если сэръ находить менѣ достойнѣи этого полож-женія, я съ завтрашняго утра въ полномъ распоряженіи сэръ!

II.

О томъ, какъ затрудненіемъ пришла преодолѣть профессору, осуществлѣть свое рѣшеніе, знать, лучше другихъ Таджі Картина.

Съ утра и до ночи онъ былъ на ногахъ: отправлялъ телеграммы, посыпалъ всевозможнѣи общества, заключая условія съ частными лицами: дѣлать закуки, выбирать необходимыи приборы и имѣть съ "миссъ Вѣра" упаковывать сотни кружинъ и лом-тицы, предметы...

Официальное разрѣшеніе, сверхъ ожиданія, пришло своевре-менно: но съ торжомъ Бродлей пришелъ, основательно потрот-вогъ: этотъ старый чудакъ, обладающій лучшей въ Британіи геологической коллекціей, такъ прямъ и заявилъ Таджі Картина:

— Кацъ! Мицъ! лордъ Бродлей! Подобный предложеніе? Да, вы вѣдь знаете ли умъ, моло-дой человѣкъ?

— Осмѣялся спросить—сделъ нужнымъ вѣщаться Картина, —можетъ-быть, лордъ не до конца ознакомился съ условіями?

— До конца! Понимаете? До кон-ца!

— Но тогда я не вижу совсѣмъ нововѣда къ неизвѣдательству Вѣзы суммы, въ которой профессоръ нуждается, онъ гаран-тируетъ вамъ собственнѣи имѣніи расположеннѣи въ плодороднейшей части Россіи! Это значителъно больше того, чо онъ прѣѣдетъ.

— А я попрошу васъ оставить мой домъ...—Лордъ Бродлей со-бралъ бровиѣ, въ комѣкъ, и, стукнувъ ладонью по крышиѣ стola, закончилъ въ неговѣданіи:—и не безлопотокъ меня до тѣхъ поръ, пока вы со своимъ неѣльмъ профессоромъ не уясните себѣ, что лордъ Бродлей можетъ въ любую минуту выдать просимое и безъ какихъ-то дурачествъ гарантіи! Слышиште? Имя профес-сора мѣръ говоритъ больше, чѣмъ всѣ ваши имѣніи въ плодород-нейшей части Россіи!

Картина покзалъ плечами и выпѣшилъ.

— Я болѣе, что выйдетъ именно такъ!—улыбался потомъ профессоръ, выслушавъ сообщеніе Картина.—Этотъ старый чудакъ, действительно относится ко мнѣ съ рѣзкой благожелательностью. Но у меня есть серьезнѣи основанія не ставить мою экспедицію въ экономическую зависимость отъ кого бы то ни было. Основанія слышкомъ серьезнѣи... Когда-нибудь поѣду я посвѣдѣть вамъ, быть-можетъ, въ мои соображенія, Картина, я скажу, вамъ, чтобы еще побывать у лорда Бродлея. Смѣю надѣяться, что второе письмо заставитъ его принять мои условія. Въ противномъ случаѣ мѣръ придется искать помощи въ другомъ месте, где родовые традиціи не играютъ такой значительной роли, и дѣлъ на экономическіи сѣльши смотрѣть бѣзъ здраво-и просто.

Только поѣду второго письма лордъ Бродлей примирился съ необходимостью взять долговую распискы. Да и то пригрозилъ, что сожметъ ее въ тѣхъ самыи моментъ, когда сэръ Заблоцкій покинетъ Британію. Какъ бы то ни было, къ средствуахъ теперь

не ощущалось стеснения, и подготовка пошла лихорадочным темпом.

Лошади, люди, ослы были заказаны телеграммой прямо въ Амурскомъ районѣ.

Изъ Англии съѣзжались только приборы; да Тэдди Картингъ выпросилъ разрешеніе у отца взять съ собою въ дорогу вѣрного слугу своего Боба, негра изъ штата Канзасъ.

О томъ, какъ быть съ Бобомъ, не подумалось и рѣчи: предполагалось само собой, что храбръ лѣвушка раздѣлить участъ дрида, какъ это бывало не разъ уже въ болѣе близкихъ кампанияхъ.

Словомъ, профессоръ Заблоцкій настоялъ на своемъ, и въ одно скѣльное лѣтнине утро жители Лондона узнали изъ съѣзжаго нумера "Times", что вчера "экспедиція знаменитаго русскаго геолога Заблоцкаго отбыла для съѣздованія въ сердце Сибири".

О пѣлахъ опредѣлено не говорилось; да отъѣхъ и не могли быть иными, кромѣ научныхъ.

Это было понятно всекому мыслящему англичанину.

Проживавшіе профессора представители многихъ научныхъ обществъ корреспонденціи газетъ удалось замѣтить въ числѣ проезжающихъ нашего уважаемаго соотечественника, лорда Бродбілла. Отъ долга еще оставалась и пристани, размахивая котелкомъ въ направлѣніи отвалившаго парохода, и легкій нордъ-остъ разбѣгалъ по вѣтру обѣмы приди его благородныхъ кудрей."

Такъ кончалась замѣтка изъ "Times" а.

III.

Пятаго сентября по старому стилю на перевалѣ водораздѣла между Бурей и Зеей медленно двигался берегомъ небольшой каравана. Впереди шелъ туземецъ.

За нимъ на маленькомъ осликѣ, касаясь ногами земли, ходилъ профессоръ.

Глядя на этихъ людей, трудно было рѣшиТЬ, кто изъ нихъ безучастнѣе относится къ красотамъ величественнаго пути.

Напрасно граничныя скалы громоздились одна на другую, взлетали разнѣстистные рельефы подъ самое небо и тамъ застывали надъ безднами въ ногахъ разглѣданымъ каменемъ сиѣ: напрасно тяжелые выходы изъ царства Вулкана, со скѣдами огня и плаваніемъ въ прудицѣ отлитыхъ формахъ, давили себою другъ друга, подставляя рубы и расщеплены рвань дыханію пыльного вѣтра; напрасно хребты горы изѣяны словно краjkистыя спины донотоновыхъ драконовъ, сверкали своей чешуей, бросаясь мѣстами тысячелѣтней щетиной.

Профессоръ сидѣлъ на ослиѣ съ полузакрытymi сонными глазами, и разводнѣшись его къ морщинамъ и складкамъ на сбрось и запыленномъ лицѣ старухъ-земли, могъ отнести разѣвъ только туземецъ, нужно и мало поклонившись "ѣдину краю" и нечестивымъ величественнымъ горамъ.

Шаткаясь въ досhti за профессоромъ, держа въ волосахъ индийскихъ, сибирскихъ лошадокъ, или рожавъ миссъ Вѣра и Картингъ.

Извѣстна отѣта была такъ же удобно и просто, какъ и студентъ, и на бронзовомъ лицѣ ей не замѣчалось и тѣнъ усталости.

О Тэдди не стоить и говорить. Онъ — настоящій спортсменъ, и всякия трудности только прочій закаляютъ его молодую и здоровую натуру.

Передложивъ съ плача на плечо легкѣй "вничесторъ", она поглядывала въ сторону спутницы и горячо говорила:

— Я удивляюсь профессору. Если у васъ всеѣ ученые обладаютъ такой страшной волей, вашей страсти принадлежитъ заинионе будущее. Вы знаете, я иногда, какъ пиареръ, гляжу на него, и мною овладѣваетъ чувство почиго суетѣнаго ужаса передъ силой его проникновенія въ изѣра земли. Мы вѣсть съ вами, изѣемъ сейчасъ по какой-то тропинкѣ въ дикихъ, невизанныхъ, намъ мѣстѣстѣ и наслаждаемся воздухомъ, видомъ на маленькую рѣбушку, проложившую себѣ путь сквозь массивы гранита... Для насъ еще всеѣ окружющее, какъ и для нашего Боба, который дѣлаетъ позади противныхъ своимъ табакомъ, просто — "скѣлы", "расщеплены", "долины" и "горы". Мы еще не ушли изъ того сего-стоянія, которое можно назвать младенческимъ періодомъ человѣчества. А вѣдь профессоръ всеѣ это представляется инымъ. Для него это — огромная древняя книга съ понятными, разглѣдаными письмами. Все это на его языке носитъ опрестѣленныя назнанія, имѣетъ свой возрастъ, исторію происхождѣнія... Со всѣмъ этимъ въ его представлѣніи связаны эпохи, періоды, стихійные перевороты, въ которыхъ онъ разбирается не хуже, чѣмъ Бобъ у меня въ чмоданѣ! И все это для него такъ знакомо, такъ близко, понятно и осозаемо, какъ будто бы и самъ онъ родился вѣть тутъ, вышелъ изъ этого камня

и кристаллизовалъ у себя въ головѣ цѣлую столѣтія подземной работы въ видѣ точныхъ, законченныхъ выковъ. Вы обратите внимание, какъ онъ смотритъ на эти увесы, какъ доброжелательно и христіански опушиваетъ пальцами обломки, персы, какъ скучаетъ, когда подъ рукой нетъ ничего интереснаго... Словно это не тѣ знаменитыя мѣста, куда по вашему пословицѣ, воронъ не заноситъ, а всеѣ тѣ уютные коридоры Бродбіллскаго музея, которые мы съ вами видѣли въ Лондонѣ. Вотъ, когда онъ сведетъ лохматыя брови, надѣетъ переносицѣ и упрѣтъ глаза въ землю, словно два перфоратора, — чудится мнѣ, что сверзитъ имъ очи... "сибирьи", "левонсія" и прочія формации до саѣмъ предѣльныхъ глубинъ. И тамъ, где точайшая пленка въ одинъ миллиметръ дѣлаетъ настъя беззмозговыми и сѣлеными, гашть отечѣ проникаетъ въ версты и, сквозь толщу временъ, испещренную "сивінгами", "сбросами", "полисентетическими" какими-то осложненіями — опушаетъ тайную душу природы. Это страшно!

Картингъ умолкъ и потупился.

Было жарко и душно.

Солнце томило вполнѣ тяжелымъ и зыблышимъ зноемъ. Отъ скѣла шла густая и вязкая испарина... А далѣе отроги, на той сторонѣ, были въ тѣни и казались совсѣмъ синими. И чудилось, что иѣсколько минутъ тому назадъ эти горы были значительныше, но потому, подъ напоромъ лучей, словно груда свинца, сразу остыли и пустили изъ-подъ себѣ стѣнницу, расплывшись въ струю, полузуя теперь внизу по долинѣ между обломковъ камней, тоже готовыхъ расплываться. Вѣра оглушнулась.

Близкѣ всѣхъ ходилъ Бобъ. Онъ сидѣлъ на осѣѣ разношною и скучно; попыхивалъ время отъ времени коротенькой трубкой и отчетливо сплевывалъ на сторону.

Къ разсказу "Голова китайца".
Черезъ минуту тамъ гордо зарыжало
трехъцѣльное полотнище... (Гл. III).

I. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.

Дальше виднелись мульы, нагруженные вагонами.

Оттуда неслись выкрики — крьльзки, хлестки, словно удары бича, а иногда долбивала тосякная губы, от которой внесли тусклью в долину и становились еще труднее дышать.

Неожиданно профессор остановился.

— Отдыхай! — спросил Тэди Карпинг, подъезжая вилотную.

— Нет! — улыбнулся профессор.

Заработав в руки маленький чемоданчик, съ которым он не разставался в дороге, профессор окинул глазами отвесную кручу и по невидимому глазу тропинку принял карабкаться вверх.

Вѣра и Карпинг стояли на мѣстѣ.

Скорая фигура профессора пропала изъ виду, затерявшись въ беззаселенныхъ складахъ горной породы.

Потомъ она четко обрисовалась на самой вершинѣ склона.

Черезъ минуту тамъ гордо зарѣзъло трехцѣвѣтое полотнище русской флаги.

— Конецъ! — крикнулъ Тэди.

— Ура! — отвѣтила Вѣра и съ любопытствомъ окинула взоромъ то мѣсто, о которомъ она, вѣбѣть съ Тэди, столько мечтала въ дорогѣ.

— Идемте, поздравимъ профессора! — предложилъ Тэди Карпинг.

Вѣра взяла его за руку, и они устремились къ скѣлѣ, гдѣ на сѣромъ обломкѣ гранита, запыленный и мокрый, стоялъ человѣкъ, подставивъ лукавыя сѣлящія солнца Сибири постѣдышащую отъ тревогъ и заботъ крѣпкую голову.

IV.

— Итакъ, до начала дождейъ — распорядился профессоръ. Проводникъ молча кинулъ головою, и караванъ тихо тронулся внизъ по рѣкѣ, оставляя участниковъ экспедиціи на пустынномъ отоѣѣ среди глыбъ вѣкового гранита.

Было ранніе утро.

Подъ склономъ лежала прохладная тѣнь; надъ водою клубилась молочнѣйшая пароска, общая погодѣ и радостный денѣ; а гряда дальнихъ горъ угощала въ сіяніи, расплескавъ высоко наѣгъ собой розоватое золото разсвѣта.

Вѣра стояла у влажной палатки, пробожкая глазами постыдную пару ландоцѣкъ, уходившую въ плотный туманъ.

Еще слышались издали потускнѣвшіе голоса; еще чмокали крѣпкіе конѣта по мокрому камню; но уже чѣмъ-то неизѣшимъ казались теперь эти звуки: словно отмѣтилась только-что въ сѣромъ туманѣ незримая грань, раздѣлившиа сразу двѣ группы людей; одна торопилась на югъ — къ жилищамъ, къ нюкою, подъ охрану закона, созданного общежитіемъ, а другая обрекала себѣ испытаніемъ, полнымъ линий и темныхъ опасностей, полагаясь во всемъ на себя и на Высшую Силу.

И было грустно подумать, что ты останешься, а другіе уходять. Вѣра чутко прислушивалась къ странной тревогѣ, овладѣвшей душой въ этотъ утренний часъ, и не могла объяснить, почему такъ выходитъ.

Вспомнила недѣлю, которую вѣбѣть съ отчимъ провела въ Корильзахъ; потому чтоъ мѣсяцъ мѣсяцъ тяжелой работы среди лѣса, далеской Исадзіи.

И тамъ это чувство оторванности, заброшенности возникало въ душѣ изъ первыхъ днѣвъ экспедиціи; но тогда оно не было такъ глубоко и болезненно. А теперь, безнадежно вошло оно въ грудь и породило дурныя предчувствія.

Что со мной? — думала Вѣра, стараясь забрать себѣ руки. — Ну, Сибирь. Ну, дутынній и лѣсистый крайъ... Этого еще не хватало!

Недостаточно, чтобы дѣлать печальныхъ предположеній. Просто, устала поѣхать долгой дороги и еще не успѣла прийти въ себѣ.

Вѣра упрашо грахнула головой и оглянулась вокругъ. Въ двухъ шагахъ отъ нея Бобъ возился у ящика, торопясь размѣшать мѣшокъ съ кофѣ.

Дальше сидѣли вновалку подъ сѣрымъ брезентомъ трое рабочихъ.

Остальныхъ еще наканунѣ ушли вѣбѣть съ Тэди въверхъ по рѣкѣ и неизѣисто когда возвратятся.

Мысль о Тэди заставила дѣвушку улыбнуться. Она поглядѣла на берегъ, гдѣ у самой воды сидѣлъ на обломкѣ гранитъ отецъ, и совсѣмъ успокоилась.

У профессора вѣтъ былъ веселый и праздничный.

Онъ всегда чувствовалъ себѣ полнымъ здоровыи и силъ передъ началомъ работы и сохранялъ до конца твердость духа.

Только страннымъ теперь показалось ей то, что отецъ отпустилъ караванъ, не ушель съ головою, тогасъ же въ свои изысканія, а усѣлся у рѣчки и сидѣтъ съ тазикомъ видомъ, словно дѣлать емуѣтъ рѣшительнѣйшаго нечего.

— Да! И это не такъ! — подумала Вѣра, приближаясь къ отцу.

Бобъ разыскивалъ мѣшокъ съ кофѣ и радостно складывалъ плоскіе желѣзные зубы.

Разѣзъ пана сегодня не будетъ работать? — наклонилась къ отцу удивленная дѣвушка.

Нѣтъ! — отвѣтилъ профессоръ.

— Можетъ быть, будемъ готовить приборы?

Тоже нѣтъ.

Вѣра совсѣмъ растерялась.

— Значитъ, праздникъ сегодня?

— Не совсѣмъ! Будетъ точнѣе — нѣсколько часовъ вынужденаго бездѣла.

— Но почему не использовать ихъ на изученіе мѣстности?

Профессоръ улыбнулся чему-то.

Къ разсказу „Голова китайца“. Ельза быстро вскочила на камень. (Гл. IV).

И. Горюшкин-Сорокопудовъ.

— Да! Тут много занятного! Очень много занятного! — сказал он каким-то думавшим тоном.

Больше Вѣра не услыхала ни слова.

Она ушел въ свои мысли и сидѣла неподвижно, пока принесъ Бѣбъ съ парой кружекъ, банкой консервовъ и горячимъ кофейникомъ.

Тогда старый учный умыбнулся оинъ, покачал головой и еще разъ добавилъ:

— Да! Тут много занятного!

Бѣбъ поставилъ кофейникъ на камень и молча ушелъ.

Ну, теперь уже скрою! — засыпалъ вдругъ профессоръ, поглядывая на часы, и принялъ всунуть прихлебывать горячій напитокъ.

Иногда онъ внимательно щурился взадъ, словно оттуда должно было что-то прійти; потомъ снова пиль и снова приглаждалъ.

Вѣра тоже глядѣла тогда на рѣку и тоже искала чего-то глазами.

На конецъ отечь всталъ, и глаза его радостно вспыхнули.

— Бѣбъ! Будите людѣ! — крикнулъ онъ и вытянулъ руку впередъ.

Вѣроѣ быстро вскочила на камень.

Изъ-за кругого колѣна рѣки, колыхаясь и мокро поблескивая той, то иной стороной, показалась южное бревно. За нимъ, чуть повыше, сверкнуло другое. Потомъ сразу изъсколько — длинныхъ, тяжелыхъ, сбившихся въ темный сплошной островъ.

— Чѣмъ такое? — спросилъ изумленная дѣвушка.

— Лабораторій! — коротко крикнулъ профессоръ и съ веревкой въ рукахъ бросился къ отели, где стояли уже рабочие съ тонкими шестами.

Вѣра осталась въ недоумѣніи и продолжала стоять, наблюдая, какъ люди танцуютъ бревно на отсѣкъ съ плоской отмѣткой.

Это было страннѣй, лихорадочный день.

Бѣзъ конца на рѣкѣ плыли бревна.

Цѣлый день ихъ ловили рабочие и ташили на берегъ. Цѣлый день надъ рѣкой стоялъ крикъ, заглушенъ плескомъ воды и зуломъ глухихъ ударовъ.

Цѣлый день отдавалъ приказанія старый профессоръ, суетясь у воды и виникъ во всемъ мокрому. И только когда стальная пила, виникъ зубьями въ сѣбѣкую макоѣ, распластывала бревно, превративъ его въ гладкій доски, Вѣра стало понятно, что такое творилось вокругъ.

Ею очи сѣхъ сѣхъ гать заведи пару бурьевъ концами подъ каминомъ.

И когда лагерь смолкъ, утомившись отъ жаркаго дня, Вѣра, лежа въ палатѣ, долго слушала мокрые звуки, наводнившіе вѣсъ долину рѣки своеобразной и гулкой музыкой.

— Бум-бум! Бум-бум! — расплываются въ синой прохладѣ.

— Бум-бум! Бум-бум! — отражаютъ сестринскіи скамы удари стоявшихъ бревенъ.

И чудится, что гѣтъ внизу идетъ работа упорныхъ чудовищъ: кто-то закованъ: кому-то мешаютъ; кто-то сердито толкается, стремясь проложить себѣ путь.

И есть что-то сладкое, милое, въ этой музыѣ сплава; что-то родное, волнующее.

Это Тадди работаетъ гѣтъ со своими людьми... думаетъ дѣвушка... это онъ, ущелье далеко-далеко вверхъ по течению, чтобы рубить тамъ стоятія сосны и сплавлять ихъ сюда для постройки лабораторій... Да! Это Тадди... повторяетъ еще разъ буревъ дѣвушки и засыпаетъ съ улыбкой подъ густую и сочную музыѣ сплава.

V.

Вѣра и Тадди или берегомъ, узенькою ручью, бросивъ русло реки больше часа наизадъ.

Все тѣснѣ и круче вставали отѣсныя скалы, все темнѣ и гуще становились ихъ, путь, а голубая полоска высокаго неба пропадала порою совсѣмъ за нависшими глыбами.

Долго оба молчали, внимательно глядѣ подъ ноги и выбиралъ полече дорогу.

Потомъ поглядѣли другъ другу въ лицо и остановились.

Къ разсказу „Голова китайца“. Не раздумывая ни минуты, она взяла ее на руки и въ нѣсколько легкихъ прыжковъ оказалась на той сторонѣ. (Г. V.)

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.

— Вамъ не кажется страннымъ, — спросилъ тихо Тадди, — то, что съ нами сейчасъ происходитъ?

Вѣра потупилась, не совѣсь уяснить смыслъ вопроса.

— Я имѣю въ виду эту нашу прогулку, — пояснилъ ей студентъ. — Вы сказали вчера, что профессоръ не отходитъ ни на шагъ отъ стонки съ самого момента приѣтія нашего въ эти места?

— Да! — отвѣтила Вѣра.

— Тѣмъ не менѣе она намъ ясно сказала, что за первымъ колѣномъ въ рѣку впадаетъ ручей, по которому нужно ити прямо вверхъ до бассейна съ каскадомъ.

— Да! Она ясно сказала.

— И,ѣдѣтельствительно, этотъ ручей существуетъ. Мало того, если внимательно вслушаться, можно уже различить шумъ дробящихъся струй, это что, вѣроятно, тотъ самыи каскадъ, о которомъ сказала намъ профессоръ.

Вѣра внимательно слушала Тадди, и глаза ея открывались все шире и шире.

— „Дѣтъ много занятного“, — вспомнилась ей фраза отца, сказана каким-то думавшимъ тономъ на ее предложеніе немедленно приступить къ изысканіямъ.

— Да! Это странно! — согласилась теперь дѣвушка съ мыслью студента и невольно добавила: — Но я ручаюсь вамъ всѣмъ, чѣмъ угодно, что сколько я помню себя — мой отецъ жилъ всегда въ раковинѣ.

— Это странно.

— Тогда это все еще болѣе странно. Неужели же онъ до тайной стени изучилъ каждую складку поверхности, что не склонъ мѣста, можетъ рукопощитъ самыми детальными изысканіями? — Тадди задалъ себѣ этотъ вопросъ и почтительно вспоминалъ на синѣтъ. — Нѣтъ! Это ужѣ сверхъестественно!

Онѣ ручьи бѣзъ упора, а шумъ водонада доносится уже совершенно отчетливо.

Тадди и Вѣра прошли еще окolo километра по узкой расщелинѣ и передъ глазами у нихъ оказался широкий спокойный бассейнъ, лежащий въ граничныхъ устояхъ, словно въ искусственной раковинѣ.

Однинъ край бассейна былъ ниже другихъ, и черезъ него тяжелой струей перетягивалась зеленая голица воды, дробясь объ уступы и глыбы съ густыми, мочающими шумомъ.

Теперь говорить было трудно.

Тадди взялъ Вѣру за руку и указалъ на ту сторону.

Тамъ темнѣло отверстие грота.

— Опять вѣтъ намъ туда! — объяснилъ Тадди Вѣрѣ глазами. Она поняла сразу, но не знала, какъ быть.

Край бассейна былъ скользкимъ и узокъ, а въ вершинѣ всего водопада, гѣтъ только и можно было попытаться пройти, лежали отѣсные камни, по которымъ она не рискнула бы динуться.

Тадди прилечь колебание отъ очевидческихъ глазахъ дѣвушки.

Не раздумывая ни минуты, она взяла ее на руки и въ нѣсколько легкихъ прыжковъ оказалась на той сторонѣ.

— Ухъ! — успѣла только сказать Вѣра.

— Ничего! — успокоил ее ловкий спутник, и они вошли в гrot. В гrot тоже стоял густой гул, но за первым, кротким, последовали еще и кричать.

Всра жадно глядела на гул и не могла нагнаться.

Некрасиво канни путем попадти сюда съѣть — отраженный, разлезинный, весь головой и мордой; склоня тѣло-то существо его на минуту и опять разжевали. Слизь такое сплювное, лакомое мордой зеленый огровину грани кристаллов, лежавших по темным отбасы, тоо-тубъ вспыхивала кровавые, жуткие огоньки на изломах ненадимых ребер; и пира затѣненного блеска сквозь голову и влажную дымку вызывала из душ чисто-скользкое настроение.

На минуту забылись совсемъ: где они и что съ ямы.

Потомъ Тедди тронулъ ее за плечо и зевъ сказалъ:

— Будемъ дѣлать, зевъ настъ присадъ.

Она достала свой небольшой фонографъ и приглушило измѣнявшемся топъ поверхности гrotа опускался къ земль и при-нашелъ отходить у подножья куска мокрой, но твердой породы.

Четвертъ часа спустя они вышли изъ гrotа и стали, какъ вкопанные.

Скалы стояли, насторожившись, повиты голубатою дымкой тумана. Всра складкахъ ихъ мрачно черѣбы угромы тѣнъ; но впередъ сквозь слабый просвѣтъ, когдъ лесъ и смолисъ золотомъ, думали, обагривъ самыи дальний уступъ. Тамъ горы рослины на колбасныхъ, низкихъ кустарникахъ, и въ душистомъ туманѣ, наполненномъ ароматами горныхъ растений, плаваль пахнули болопала, обвязы холодные камни, хмуро дремлющие подъ ржавыми щипками мховъ.

Тедди забылся орѣль.

А Всра мято поклонила ему на плечо руку и, покоренная музой горъ, подняла затуманенные глаза къ вершинамъ, гдѣ тихо курились и плавились изъ волотъ жидкими лучами ємкими ущелий.

Порал — обворвал на конецъ сладкій сонъ Тедди Картинъ и, поднимъ снова дважды на руки, перенесъ ее быстро черезъ бассейнъ вмѣстъ съ кусками породы, собранной въ гrotѣ.

(продолжение следуетъ.)

Лунная музыка.

Како музой пречинкнуть небосводъ!

Луны восполненной колдующая сила,

Сердцами властивъ, въ нихъ кровь заговорила

И, строго-блѣзя, торжественно плыветь.

Все въ мірѣ призрачномъ повинно знать чередъ.

Течеть кажденіе изъ древнаго кадила.

Луна осенняя намъ сердце остудила,

Безъ удивленія мы встрѣтимъ снѣгъ и лѣтъ.

Невозумимая чета ракитъ прибрежныхъ

Въ успокиеніи не шелохнетъ листвой

Признаю у ногъ своихъ лежащей призракъ свой.

А въ зеркалѣ воды вилѣнья блѣснѣнныхъ

Воздушныхъ савановъ, покровъ мечты живой,

И вотъ ужъ не живой, о днѣяхъ, какъ сказка, нѣжныхъ.

К. Бальмонтъ.

Покинутый домъ.

Домъ этотъ старый, знакомый мнѣ, сумрачно-древній,

Съ осени всѣми оставленъ, забыть и заброшенъ;

Тихо стоитъ въ сторонѣ отъ сожженной деревни,

Яблони цвѣтомъ узорный карнизъ запорошентъ.

Хмурятся сонные оконъ разбитыхъ оскали,

Мыши играютъ пугающе по коматамъ въ прятки.

Гдѣ же весна та, что лушу мою чаровали?

Гдѣ тѣ мгновенья, что были такъ веселы, призрачно-сладки?

Грубо затоптаны кѣмъ-то цветы у рояля.

Шепчутъ цветы, умирая, правильны были:

«Близкому сердцу разскажемъ свои мы печали,

Въ домѣ чужѣе здѣсь были»...

Михаиль Андреевъ.

Грозы и дѣти.

Разсказы Ап. Васнецова съ иллюстрациями автора.

III.

Полуночный вихрь.

— И вижу во снѣ: иду, будто, безъ картуза по полю, и вѣтеръ играетъ моими волосами и свиститъ въ ушахъ: чувство како-го-то призыва и успокойнія до душѣ. Но вотъ начинаю различать изъ шума вѣтра что-то тревожное, свистъ, вѣтъ — открылось глаза и вижу прямо передъ собой открытое полуокруглое окно мезонина, идетъ туча съ занада, и блещутъ изъ ней огни-молнии. Лежавшая на стойлѣ книга быстро перемѣстилась, словно кто живо изъ потемкъхъ, торопливо перебрасывая ея страницы, — жутко. Никого нѣтъ, а листы мелькаютъ. Черезъ окно прямо въ лицо дуетъ сильный вѣтеръ. Шумятъ березы, и доносятся иногда глухой гулъ грома — гроза близко. Быстро вскочивъ изъ-подъ теплого одѣяла, я стараюсь затворить полуокруглую стекольчатыя двери большого въ всемъ стынѣ окна съ перилами изъ балсамины въ нижней ея части. Но не тутъ-то было! Стороны дверей отказываются слушаться: ихъ, съ огромной силой отбрасываютъ обратно. Проснулась и мой младшій братинка, спавшій рядомъ со мной на разстланномъ на полу войлокѣ, и мы видимъ налегли на двери: но отъ этого она не стала послушной, и усилившійся вѣтеръ упорно откидывалъ насъ назадъ. Взглянувъ ко-какъ одинъ конецъ деревянного засова въ правую скобу, мы налегли на ручачъ и съ больными трудомъ отклонили правый створъ, а въ то же время другую рукою и стараисъ привлечь вторую створу и привести ея рычагомъ. Мы оба налегли на рычагъ всей тяжестью хрупкаго детскаго тѣла, и упираясь болсы ногами въ мокрый полъ, все усилия направили къ тому, чтобы вдвинуть другой конецъ засова въ лѣвую скобу. Взглянувъ въ сторону глѣбницы, я и онъ искуша не выспустили изъ рукъ засова: оттуда по дорогѣ неслося что-то огромное, блое, выше деревьевъ, и прямо на насъ, это были облака пыли, поднятыхъ с

дороги, — стояла захуска, — а мнѣ показалось не вѣсть что. Въ довершніе ужаса самъ собой зазвонилъ на колокольчики маленькие колоколы, чтѣ бывало каждый разъ во время сильнаго вѣтра. Березы гнулись и трепались по вѣтру. Въ темномъ воздухѣ крѣплились листья, носились по вѣтру нападренными, какъ-то клочки, не то галки, не то доски, и прочно на настѣ изъ лѣса двигались мутной геленой стѣнѣ дождя, порой вспыхивавшія сплошными фосфорическими светотомъ. Впереди ея никако и близко неслись обрывки темныхъ облаковъ, постоянно менявшихъ форму; они то опускались къ земль, то поднимались отъ нея. На настѣ разгоряченное отъ солнца тѣло налагало ужъ падать холодные и крупные капли дождя; онѣ падали, мягко щелкая по тѣлу, и разлетались брызгами. Мы уже минутъ пять возились съ дверью, выбиваясь изъ сна, чтѣ предотвратить сцену вѣтра, то сна отбрасывавшую насъ-насъ: его близкіи были къ отчаянію; мой младшій братинка, съзывно, уже началъ всхлипывать: онъ готовъ былъ отброшенъ разрывѣтъ и бросить засовъ. Но отступать было нельзя: весь ужасъ послѣдствій, если бы мы не затворили двери, быть очевиденъ. Зальетъ дождемъ наши постели, все будетъ沙发о и опрокинутое, ворвавшимъ вихрь, и, чего доброго, мнѣ казалось, влетѣти въ раскрытое окно «громовая стрѣлка» и убить насъ. Стенки зубы и сколы босыми ногами по мокрому полу, и напрягъ послѣднія усилия и наконецъ, почувствовать, какъ засовъ слабо коснулся лѣвой скобки, заѣдился, но вырвался опять. Мой голоногий помощникъ ужъ рѣма-реѣль и только въ волненіи, шлепая босыми ногами по образованнѣй у окна лужѣ, топтался на мѣстѣ. Послѣдній напоръ мускуловъ, почти въ безсознательномъ состояніи — и, о радость! — засовъ крѣпко вдинулся въ лѣвую скобу и прихлопнулъ двери. Но какъ-то зростъ, съ какою слабой и жалкой силой завѣтъ вѣтра на вѣтѣ засыпъ въ сквознякахъ и цищахъ сокинутыхъ створъ... Внѣтъ, злобный вѣтъ, скрежетъ, рѣданія, укоры — все слилось въ этомъ неистовомъ голосѣ бури. Какъ будто «онъ» и яростно злился и

жаловался на то, что „ому“ не удалось отбросить, размозжить настъ, выбить весь стекла въ дверяхъ и превратить въ лужу весь поль мезонина; не удалось—и вотъ „ому“ жаловался и неистовствовалъ, какъ звѣрь глупый и злой. Во время отчаянной борбы мы и не замѣтили, что гроза уже бушевала кругомъ во-искусственной дождь барабанила по крыши, слыши сгѣнительный молотъ, и хрюкали громы; словно катились огромные камни по крыши. Задутившись съ головой одбаломъ и закрытыми язиками бровокъ подушкой, я, весь мокрый отъ пота и дождя, промолчалъ, стараясь ничего не слышать и не видеть, все времена, къ счастію, не продолжительной грозы. Когда раскаты грома смолкли, я выслушнулъ потную голову и отоѣ прислушиваться. Въ углу сквозь щель въ потолокъ капала вода; дождь еще продолжалъ; замѣтилось, что вѣтвѣ. Высунулъ голову и братишка.

- Ты видѣлъ? — спросилъ огнь тихо.
- Чго?
- Я не знаю чго. Большую блѣду лошадь съ гривой.
- Нѣть не видѣлъ.
- А я видѣлъ, вонъ тамъ.
- О, да это бѣжала пыль по дорогѣ отъ кладбища.

— Какая пыль... Я видѣлъ и морду, и голову, и гриву.

— Неправда.

— А иѣть, правда; на что угодно поendorю и побожусь.

— Давай откроемъ окно.

— Давай.

Съ трудомъ мы отыскали мокрый засовъ и отворили ставни отъ дождя тяжелыми обѣа створа окна.

Окно было уютнѣйшою коробкою! Начинилось утро. Какъ чистъ и сладостенъ дивный воздухъ, насыщенный запахомъ мокрыхъ бересковыхъ листочковъ и мокрой земли! Было тихо, только съльзялась каплю налано съ березъ, и камы-то птичка замѣтила и немножко выгъздала замысловатый узоръ звуковъ изъ нѣхъ пакучей беззданной листьевъ. Все утро было ясно видно, изъ лѣса попадались клочья бледного шара. Небо прояснилось, и по нему ползли лотки, какъ кисеи, остатки ушедшего на востокъ грозы; она ужъ потухла, не грѣхъ, заглохнула въ преразспѣянныхъ лучахъ утра. Еще видѣлось сквозь туманъ нѣсколько крупныхъ зѣбѣзъ на послѣдѣзывающемъ небѣ, но тамъ, надъ этой рѣдкой киссеи, уже чувствовалась близость днія... Было такъ тихо на душѣ и тихо, глубоко въ природѣ!

Гл. разсказу „Полуночный вихрь“. Начиналось утро. Какъ чистъ и сладостенъ дивный воздухъ, насыщенный запахомъ мокрыхъ бересковыхъ листочковъ...

Ап. Васнецовъ.

Огонь, Жизнь Дающий.

Персидская легенда. Владимира Келера.

I

И умерла Диль-Халиса.

Затосковав старый шах и приказал на могилье любимой жене возвести мавзолей из белого мрамора, такого же чистого, какая была душа отшедшей супруги.

Не успела душа народиться три раза, как мавзолей был готов, и кротомг его раскинулся чудный сад.

Росли и цвели в нем линии розы, печно склоняли головы кипарисы и рончи душистые акации наполняли воздух нежными благоуханьями.

Птицы весело гляди в саду, жегла звонкими голосами прервать греческий шопот листвы, говоривший о тайной огни.

Каждое утро ходил шах на могильу, подолгу сидеть там и молился, глядя на него.

Вз прихотливой игре облаков, в темной лазоревой глубине, в золотистом солнечном свете он думал увидеть ее, Диль-Халис.

Но смъялась над шахом душа синяя неба, жестокая в своем необычности, смъялась и тень облаков над желаньем его узреть светъ постасив лампады.

Но шах не понимал этого смъяха и съ яркостью молнии Божества, чтобы осужденная на разлуку съ землей явилась к нему и сказала въ утешение хотя единое слово.

И Солнце его услышало.

Вернувшись однажды во дворец, онъ увидѣть въ яркихъ лучахъ Чистоту Сердца — Диль-Халиса. Онъ почувствовалъ, какъ любимая женщина конусилась его, и дахъ въ немъ произошло что-то необычайное.

Воскрепши старымъ воспоминаніемъ, вернулся ароматъ прежней жизни, пропавшій вместе съ ушедшій.

— Скажи мнѣ, что дѣлать, — вскрикнула радостно шахъ, — чтобы снова быть такимъ же счастливымъ, какъ раньше? Одна душа моя безъ thee — не душа.

И удалилась Диль-Халиса.

Сверкающий блескомъ несбывшимъ, ласковый взглядъ ея, идущий изъ загадочной, бесконечно далекой обители, пронизалъ сердце шаха и начерталъ на немъ знаки призыва.

— Покинь эту землю, — такъ понять шахъ слова вѣжно любимой и глубоко задумался.

И привезъ онъ старого визира и своихъ трехъ сыновей.

— Дѣти мои! — сказалъ шахъ, присидевши, — я управляю одинъ моимъ царствомъ. Много разъ я гибнъ истинной предъ людьми, ибо одинъ умъ не можетъ управлять многими. Любимый визирь, душа которого всегда съ якою спокойною, ми помогай. Теберь и рѣшилъ раздѣлить владѣніи свои между вами и уйти, чтобы испытать молитвой мои прегрешенія. И постараюсь найти счастье, въ которомъ я пребываю съ вашей матерью — Диль-Халисе.

И скажешь младший сынъ шаха, Диванъ ханъ.

Онъ былъ еще очень молодъ, изъ жизни видѣть лишь радость и никогда не занимались дѣлами.

— Повелитель народовъ! Я не могу еще управлять людьми и отъ дара твоего я отказываюсь. Раздѣли царство свое между братьями.

— Хорошо! — отвѣтилъ старый шахъ. — Ты, Сermestъ ханъ, возьмешь землю вдоль по рекѣ, а Кебиръ ханъ, возьмешь владѣнія мон среди горъ. Но съ кѣмъ будешь жить старый другъ мой — визирь?

— Я для него очень молодъ, — замѣтилъ Диванъ ханъ.

— Я буду править народомъ самъ, — возразилъ Сermestъ ханъ.

— Рухатулъ Рухъ для царства необходимо. Не говорить же мнѣ, ханъ, съ тополи, — отвѣтилъ Кебиръ ханъ и гордо закинулъ голову.

— Теперь я спокоенъ, — сказалъ старый шахъ. — Тебѣ, Диванъ ханъ, вѣмѣ царства я доставлю наихъ дворец и священную гору, гдѣ вѣчно горитъ Жизнь Дающей Огнь, окруженнѣй пѣтами. Дамъ тебѣ короны быстроногаго и сокровищницу, полную золота. Пропадай, дорогие мои, правые людины, какъ вы найдете у насъ, а мы, младший сынъ мои, управляемъ самъ собою и поможемъ старшему къ тебѣ приходящимъ.

Сказали придворные и ушли.

И воцарилось на землю его дѣти. Кебиръ ханъ, обѣхъягъ получившіе имъ наследіе, наложили на людей великии подати и завѣли вѣтъ строгой породы. Для поддержки его они приказали казнить смертью каждого, кто разумѣніе, должно было быть исполнено, ханъ посыпался на высокой горѣ.

Когда позднимъ вечеромъ видѣть онъ, что огонь, которому народъ поклонился, разгорался възвѣгъ капище, сидѣлье, чѣмъ слизывало, ханъ съ поднѣтой для кары десницы, какъ гибнѣй духъ, выходилъ изъ дворца и озиралъ скрещу разстилающеся предъ ними царство.

Но всея слаотъ молились колыбопреклоненные люди, и въ

матежномъ, но безъзвучномъ сѣй поклонились его вѣрноподанные. Только, вспыхивая краснымъ пламенемъ, трепеталъ грозды огня, да падающіе отъ поклонившихся людей тѣни дрожали на земль. Ойбъ движениемъ своимъ говорили, что во владѣніяхъ хана водворенъ снова порядокъ, кѣмъ-то невольно нарушенный.

Лукаво кривясь, глядя на тѣни, тонкий губы владыка и, прерывательно улыбаясь, опускалъ руку и возвращался къ себѣ.

Не то было у Сermestъ хана.

Ранніе, чѣмъ что-либо предпринять, онъ долгое время присматривался. Но такъ какъ въ странѣ все было спокойно, и всѣ благоустраивали, то ханъ объявилъ народу, что очень доволенъ законами и предоставляетъ имъ жить и управляться подлежащимъ.

Прощо иѣсколько душъ, и жизнь текла, какъ рѣка по старому русу.

Родился новый владытель и возносилъ молитвы Огину и просилъ его сѣбѣю свою о защищѣ, какъ и раньше, путы человѣческой жизни.

И Сermestъ ханъ ушелъ отъ народа и стала проводить время съ друзьями и женами.

Другой образъ жизни вѣдь Диана ханъ.

Поселявшись въ шахскомъ дворце, онъ часто бродилъ по сѣтозарядной горѣ.

А гора была зачарована и цѣль, растущіе вокругъ Огни, Жизни Дающей, были не только чѣмъ, но и пристанищемъ душъ всѣхъ людей, наслаждавшихъ себѣ царства.

Счастье давали имъ серебристо-блѣдныя лилии; злобу вливали удушившимъ запахомъ орхидеи; страданія и горе вносили цветы граната, а стремление къ сѣбѣ, какъ къ истинѣ, вносили въянцы, скромные, малозамѣтные.

Но не знали еще этого ханъ, какъ не знали, что духъ его матери, Диль-Халиса, появлялся всегда у Огни, когда души сматывались на гору для отдыха.

Горячими дыханьями любви направляли Жизнь Дающей устаний душъ къ цѣлью. Однѣ изъ нихъ вѣчно упивались счастью на лилияхъ, другіи мучились на кровавомъ ложѣ цѣвтъ граната. А потому было такъ — знать только Тотъ, Кто далъ земль сѣбѣ, чтобы среди безпроглядной тьмы найти путь къ Нему, бѣзъ Кивицу.

Однажды однажды возѣ Огни, ханъ Диана погрузился въ тайновѣчную дрему, и въ дремотѣ какой онъ увидѣть, какъ скримелились потокомъ къ горѣ души людей.

Онъ узналъ душъ братьевъ своихъ и съ грустью замѣтилъ, что онъ видѣлъ вокругъ Огни и не былъ въ силахъ спуститься къ чѣмъ, на которыхъ могли бы забыться.

Жизнь Дающей отбѣклила отъ цѣвтъ эти души, а матъ ихъ Диль-Халисе плакала слезами молены. Какъ ихътины красные, горѣли страданіемъ слезы Чистоты Сердца и, падая наземъ, разливались рѣкою станций.

Что это значи? — подумалъ дремлющий сынъ Диль-Халисе. — Иѣтъ счастье, иѣтъ радость для владытелей? Иѣтъ даже горѣ? — Рѣчи не люди владыки?

Проснулся Диана ханъ и взглянулъ на цѣвтъ.

Радостными блескомъ сияли они, и яркими пурпуромъ горѣли грани.

«Не обличи же мѣ существование людемъ!» — снова полу-
мѣтъ ханъ и, еще не совсѣмъ очнувшись отъ дремы, уничтожилъ кусты грани.

И молчанье горы едругъ застонало.

Огонь Жизни угасъ. На нейбъ вечеरемъ, ступили багряныи тучи и смолки веселыи пѣсни глубокой и ясной лазури.

II

Черезъ иѣсколько дней братъ ждалъ съчленія. Сermestъ и Кебиръ, старые ханы, приѣхали къ младшему.

— У насъ во владѣніяхъ погасъ священный Огнь. Горитъ ли онъ еще у тебѣ? — спросили они, сильно взмолнивъ.

— Жизнь Дающей исчезъ, но люди будуть счастливѣ, — отвѣтилъ Диана ханъ и рассказалъ тутъ же братьямъ, что видѣлъ въ дремотѣ и почему уничтожилъ грани.

— Что же будетъ съ народомъ, разъ погасъ Богъ Огнь? Мой визирь предвидѣлъ болѣе несчастіе, — сказалъ Кебиръ ханъ.

— Погибъ вѣчній вѣкъ. Вѣдѣте же у себѣ, и всѣ будутъ зори — посвѣтилъ Диана ханъ. — За таинственной завѣей близкаго будущаго новая вѣкъ сулитъ чудную жизнъ и полное счастья и всѣ наслажденія.

Да будетъ такъ, — улыбнулся наслѣдникъ жестокой владычины и не пропасъ, покинувъ дворецъ Диана хана.

— Надо поизобрѣтать съ народомъ, — замѣтилъ задумчиво средний братъ въ тоже уѣхавшемъ.

Старикъ Рухатулъ Рухъ, получивъ отъ хана строгое наказаніе, созналъ всѣхъ живѣхъ царства и приказалъ въ иѣсколько днѣвъ принять новую вѣру. Исполнилъ волю владыки, поѣхали для прѣмѣры не мало народу, и обитатели горъ, вѣрно-поданные ханъ Кебиръ, поѣхали въ скорую радость. Съ тѣхъ

поръ они получили отвращение къ Огню. Собираясь по вечерамъ у горѣвшихъ костровъ, они сообщали съ усмѣшкой прохожимъ, кому они раньше недостойно молились.

И на грохъ всѣ жили спокойно.

Сермѣст ханъ собралъ лучинныхъ людей отъ народа и вмѣстъ съ ними хотѣлъ обесѣдить, какъ ввести въ царствъ новую вѣру. Говорили безъ умолку и скоро посогорились, и, посогорившись между собою, лучинные люди изгнали владыку, который вздумалъ ихъ примирить.

Вернувшись обратно, они сказали народу, что жить будутъ безъ хана, и что можно обойтись безъ Огня.

И на землѣ, лежащей вдоль по рѣкѣ, пошло все попрежнему.

Узнавъ объ участіи брата, Диванъ ханъ вскочилъ на коня и помчался въ царство изгнаника.

По дорогѣ ему нѣгѣться неожиданно дерпинъ.

— Куда, Диванъ ханъ, таѣтъ стремишься? — спросилъ онъ, когда, увидѣвъ его, всадникъ остановился. — Бѣдѣшъ ли ты къ Сермѣсту хану или къ жестокому хану Кебиру? Прѣзодомъ своимъ ты никому не поможешь.

Удивленный Диванъ хантъ упаль зверишу въ ноги.

Онъ узналъ въ немъ отца.

— Твои мысли отражаются теперь дыханье чистаго неба, отецъ! Ты — воплощенная Мудрость. Скажи мнѣ, за что изгнали хана Сермѣста, и почему души братцевъ монховъ не могли найти на горѣ цѣѣтъ для пристанища?

И отѣбѣти ему старецъ скорбныи голосомъ:

— Моя сыновья застыли вѣтъ жизни народовъ, и души ихъ не-
достойны коснуться страданій.

— Хорошо, что ихъ больны не будеть. Я вырубить всѣ гра-
наты! — вскрикнулъ радостно Диванъ хантъ.

Поникъ головой бывшій властитель и скрылся изъ глазъ огорченного сына.

Удрученный молчаливымъ упрекомъ отца, Диванъ хантъ вер-
пушкъ въ свои владѣнія и пошелъ на сѣѣтарную гору.

Нечально во тьмѣ стояла она. Грустной иѣтой вѣздо отъ цѣ-
тозъ; потускнѣли блѣдны лилии; бѣло рушущееся къ сѣѣту вьюны
за неодумѣнѣемъ склонилось къ землѣ, а орхидеи дурманы
за поизъ воздухъ.

Озѣченными мысли безезны ползли угромо по саду, за ними
перепливались волны компарныхъ снонъ, и надъ всей горѣ
дуневиныхъ перекинувшій висѣла Судьба, опустивъ низко тяжелыя
крыла.

И угласнула Диванъ хантъ.

Вздругъ вспѣлъ дрожающій отчаяніемъ, пронзилъ великанъ тишину.
— О, верни... Огонь Жизни, верни! — застонала мозговой
ханъ.

И долгий откликъ нѣжнаго голоса прилетѣлъ утреннимъ вѣт-
ромъ.

Существо и радость наполнили душу хана — онъ огласился.

Роса на цвѣтахъ загорѣлась искрами желаній; вьюнки, подньзъ
головы, начали пить красоту лучей сѣѣтаго разсвѣта, на ли-
захъ зангира ульбы блаженства, и на небѣ разверкнала зари
неиздѣваннаго сѣѣта.

Въ блескѣ сіянья его пробудилась гора, и пѣснѣ божественной
чтобы пронеслась надъ землей.

Она пролетѣла и надъ царствомъ бывшаго хана Сермѣста.

Очарованій Диванъ хантъ успокоился.

Но съ появлѣніемъ сѣѣта въ царство изгнаника жизнь оби-
тателей скоро разстроилась.

Волненіе охватило всѣхъ жителей.

Надъ страной появилось дымное облако. Люди замѣтили, что
среди сѣїднаго часа извивались чудовище. То было духъ злобы,
измѣны и зависти. Паша хинника извергала кровавую пѣну, а
смертоносныи зѣзы брызгали ядовитой слюной и заражали
отравою землю. Терзались алчностью и насилиемъ, они хваталъ
съ земли въ когти людей и, вынырнувъ часть мозга, бросали ихъ,
сѣѣтленныхъ, обратно.

Безуміе овладѣвало страдальцами и, какъ червь, точило ихъ тѣло.

Шахъ слушать.

В. Суренъянъ.

Слова недужныхъ и ихъ крики безъ смысла летали по царству и гонили страну.

И востал братъ на брата.

Толпы обезумившихъ рыскали по городамъ и избивали всѣхъ, кто имъ попадалъ.

Услыхать объ этомъ. Дианъ ханъ обратился къ несчастнымъ.

— Чѣдъ я вами случилось? — спросилъ онъ съ отвѣщеніемъ, стоявшимъ предъ убийцами.— Разѣзъ вы видите у озаренныхъ сѣвѣтомъ вершинъ дальнихъ горъ? Разѣзъ вы понимаете бы, что Огнь Правды, Любви и Радости Совершенной узъ близокъ, и чѣдъ сольется въ одинъ неугасимый пламенъ общаго счастья? Все горы стинуть въ немъ, и скоро на небѣ засияетъ луна Солнце.

Но дикий смѣхъ мертвыхъ духомъ прервалъ его рѣчь.

И послалъ Дианъ ханъ къ грозному брату

Прѣзажа встрѣтилъ Рухатулъ Рухъ.

Узнавъ, что случилось въ царствѣ изгнаника, онъ пословѣзъ обратиться къ старому шаху.

Шахъ указалъ тебѣ, чѣмъ можно помочь болѣвому народу. А вѣдьмы и пойдоша о беспорядкахъ въ странѣ, и повелитель рѣшилъ, что нужно намъ дѣлать.

Умѣзъ Дианъ ханъ, а визирь, собравъ «несѣтніи подчини» по приказанию жестокаго Кебиръ хана, повѣзъ ихъ на границу.

Узнавъ о наществиѣ соѣдѣй, обезумившіе люди очнулись и дѣнились войскомъ наѣвѣриѣ.

Они кричали ему, что не зачѣмъ бѣться, и что они врагамъ браты.

Но уничтожилъ ихъ нещамъ Рухатулъ Рухъ, а Кебиръ, злобный ханъ, еще надѣдалъ наѣдъ.

Унѣнѣе начало на бѣзънѣхъ подданнѣхъ Сermest.

Они не знали, что предпринять и где можно найти спасеніе.

И явился имъ старый шахъ въ образѣ дервиша.

— Новый сѣбѣ раздѣль вѣсъ для радости, а вы, задраженные здѣмъ чудовища, со срадѣніемъ облакомъ его не замѣтили. Видите, сѣбѣ уже на горахъ? — сказала дервишъ толпѣ, собранной Дианъ ханомъ.— Какъ распалася злобѣ животныхъ, не видѣши ничего предъ собою, вы сами себѣ готовите страшныи путы. Чудовище вѣсъ зануло и ложью сковало сѣбѣты мысли... Дианъ ханъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ младшему сыну, — ты согрѣшилъ предъ народомъ, самовольно вѣнчавшися въ предопредѣленіи судьбы. Желаю людямъ помочь, ты уничтожишь сразу страну. Теперь надо спастi потигоющихся. Да мѣй лукъ твой и стрѣлы, я уничтожу ужасъ страны, хотя для этого довольно было бы и легкаго вѣтра.

Сказали шахъ и взялъ колчанъ изъ руки младшаго сына.

Взглянувъ затѣмъ надъ собою, въ срадѣніи облакѣ онъ увидѣла щинящаго гада.

Въ глазахъ юдового хинника сверкнулъ дикий страхъ, и его раздраженный язикъ судорожно скъжалъ отъ ужаса.

Натянувъ тетиву, старый дервишъ метнулся въ духа злобы стрѣлы.

— Да сметь злобу добро! — сказала онъ, сѣдѣя за полетомъ вѣнчика вѣтшаго слова.

Пробила стрѣла чешую въ головѣ духа лукаваго, и покрылись глаза его пеленой тѣни.

— Да замѣтъ вѣрность измѣнѣ! — продолжалъ шахъ, пуская вторую стрѣлу.

Какъ бѣзомъ, ударила она по тѣлу гада, и разверзлась утроба его.

Жабы и черви посыпались изъ нея и, разбившися въ ногѣ остылыхъ людей, тибѣи въ страданьяхъ несѣбумившихъ всѣдѣній.

Аббать.

Рассказъ Поля Ружье.

Переводъ Л. Вилькиной.

На самомъ краю горизонта, надъ смалой, къ которой, подобно орлиному гнѣзу, прѣѣзжали деревни Т., выпала дѣкарѣская луна.

Какъ на освѣщенномъ экранѣ, высился на фонѣ алѣзажскаго неба острый профиль колючевыи, окруженнѣй тѣнами хижинъ и сараевъ. Городъ ободрялся она квѣру и кружкомъ вырисовывалася на высотѣ трехъ футовъ надъ долиной.

Другая сторона ската была еще окутана мракомъ. Но вотъ луна медленно вѣзла, перенесла хребетъ, разлилась сѣвѣтомъ по темному косогору и засияла трепетными огоньками на двухъстахъ шипахъ, тамъ, на дѣлѣ дороги, которая змѣйкой у подножья косогора.

Тутъ притягнулся отрывъ капитана хъ Орвалья, ожидалъ возвращенія патруля, посланнаго на разведѣ въ пограничную хижину, возвышающуюся надъ ними.

Внезапно надъ головами посыпались пазмы.

Американецъ даетъ о себѣ знать, — прорубомътъ сержантъ Геддъ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько минутъ спустя показалася ловко прѣѣзжайшія изъ прапорщиковъ запаса Шамбрель, прозванный за неподвижность лица и бриты губы «американскимъ кѣмъ», въ сопровожденіи шести разведчиковъ и синихъ беретовъ.

— Да будетъ свѣтъ! — произнесъ неуѣзденно дервишъ, взглянувъ на толпу, и въ третій разъ загудѣа въ рукахъ его тетива.

— Да сгиньетъ тьма! — восторженно вскрикнули за шахомъ прозрѣніе.

И сгинуло мрачное облако.

Воепрѣдъ духомъ ожившій народъ и отогналъ полчища жестокаго Кебиръ хана.

Загорѣлись отгремъ вершинами всѣхъ горъ, засверкали небесные свѣты; сильнѣ животворнаго свѣта залило землю изгнаника, и народъ скоро постигъ, въ чѣмъ заключается счастье людскога.

III.

И отошелъ въ царство несокрушимое мудрый шахъ, бывшій дервищемъ.

На могилѣ отца собрались его дѣти и предали скорби тяжелой.

Горко рыдалъ Дианъ ханъ.

Громко стонала изгнанница Сermest.

Грозный же Кебиръ ханъ, лининившися царства посыпъ неудачной войны, утирадъ угрюмо горючіи слезы.

Вокругъ страждущихъ братьевъ, сидѣвшихъ у мавзолея изъ благоѣ мрамора, пынно раскинулись розы бѣзмертвія. Подняли головы, на стражѣ покоя столы стройніе кипарисы, а рони акантовъ поплотнее листьевъ своихъ говорили, что шахъ снова счастливъ, и что духъ его въ царствѣ незримо слизы съ душою Диль-Халисе.

Всесо небетами итицы, повинявши шелестъ листьевъ, а солнце, играя лучами, веселило всѣмъ радость шаха, блаженнаго въ вѣчности мѣра.

И усеклиши ханы.

Вдругъ предсталъ предъ ними Рухатулъ Рухъ.

Рукоѣ указывала онъ на лѣстницу, идущую отъ земли прямо на небо.

Взглѣнувъ на нее, ханы увидѣли, что среди облаковъ стояла матъ ихъ Диль-Халисе, а рядомъ отецъ, старый шахъ, — Сердечная Чистота и Великая Мудрость.

Слѣдомъ вокругъ нихъ жемчужинъ облака и горѣли радостью простилены.

Слезы, какъ хвоя красные, пролитыи Диль-Халисе, когда молилася она о душахъ дѣтей, разстилались алымъ коровьи по землю духомъоющиціи, отъ земли и до самаго неба.

— Идите и вы къ намъ — донеси къ дѣтямъ сладостный голосъ.

Какъ мы пойдемъ, когда мы такъ грѣбны? — отвѣтили съ грустью они и, опустивъ смущено газы, принали къ земль.

Проехались въ воздухѣ звуки божественной пѣсни, раздалисѧ ликующей глаze скрытыхъ трубъ, и великая вѣсть о проценѣ посыпалася съ неба.

И умерли грѣбные ханы и тутъ же воскресли престыни людми.

Частина Огни, Жизнь Дающаго, еще не сторѣвшая въ душахъ ихъ, веснушку и сожгла все то зло, отъ котораго они прежде страдали.

Великая радость охватила воскressившіе; дыханье матері, которая они раніе жили, наполнило ихъ чистотою; вѣчнѣй любовь къ нимъ Диль-Халисе зародила желаніе служить обездоленнымъ.

И въ этомъ узрѣли они высшее наслажденіе и радость прѣдѣльную каждаго человѣка.

Аббать.

Рассказъ Поля Ружье.

Переводъ Л. Вилькиной.

Они упросили капитана послать именно его съ патрулемъ, не только изъ личной храбрости и любви къ приспѣвѣнѣямъ, но тоже изъ тайно-блѣдаго его любопытства, которое онъ испытывалъ посыпъ всего, что наслучалось азѣмѣнъ аббать — старожилъ здѣль, перескакившемъ кампанией 1870 года.

Воруясьши, онъ долженъ былъ, что деревня эвакуирована, а жители, во всей вѣрности, уведены нѣмцами въ качествѣ заложниковъ.

Все это онъ, впрочемъ, могъ заранѣе предугадывать, судя по приказу, отданному капитаномъ хъ Орвальемъ: «Произвести рекогносцировку деревни Т., значащейся эвакуированной заманивши ее отрядомъ баараша; устроить изъ нея опорный пунктъ и въ случаѣ возвращенія противника защищаться до постыдного чехозавода».

Раздѣлъ синѣстокъ, и маленький отрядъ тронулся вдоль косогора. Отвѣрждавшая отъ холода трава скрипала подъ подошвами, заскальзывая лунной пунѣметы на синихъ мулловъ переливались сѣтьми.

Люди, подавленные ночнѣй мглой, или мгла, дѣржалъ по диванѣ, узелѣнѣнѣи югъ своимъ думы, издали сѣдѣя за взирающими въ глаза колонами силузтомъ Шамбрель — офицера, состоявшаго погибъ его командой со вчерашнаго дна. Оть истребленаго полка остался только одинъ этотъ загадочный колосъ, примкну-

вий къ ихъ отряду, который самъ потерялъ всѣхъ офицеровъ въ предыдущихъ бояхъ.

Шамбрель было на видъ лѣтъ тридцать пять. Подъ шинелью працоцрика въ запасѣ, рядомъ съ военной медалью, было пришито къ груди военный крестъ, что означало недавнее повышение въ чинъ, производство, — конечно, на ногѣ биты, — изъ сержантъ въ офицеры. Дружески спрощенный подиагахъ, за которымъ онъ могъ получить эти знаки отличия, Шамбрель, быть можетъ, изъ скромности, уклонился отъ отвѣта. Д'Орвалъ отнесся съ уважениемъ къ подобнойдержанности. Къ тому же, въ теченіе несколькиъ часовъ Шамбрель очаровывалъ всѣхъ солдатъ. Старый слука-сержантъ Гелль, вновь поступившій на службу, съ фамильярностью, которая во время войны являлась признакомъ изысканства, когда вела къ церковной пантерѣ и была покрыта обломками разрушенныхъ домовъ.

Они достигли послѣдніго подъема, и передъ ними протянулась единственная улица деревни Т., — вѣтъ въ рѣбѣ изысканного окна, которое вела къ церковной пантерѣ и была покрыта обломками разрушенныхъ домовъ.

Уже съ первого шага сердце сжималось отъ царившаго повсюду безмолвія смерти. Выходитъ дома, безмолвныя потому, что люди въ нихъ спятъ, но остатки дыма надъ крышей, бодрствующій гдѣ-нибудь въ ночи, за не видѣть притворенія. Ставни говорятъ о томъ, что за каминами стоятъ, нѣкогда жгѣтымъ крыши, дымаштые въ лицо.

Вѣдь же какъ будто пронесенъ моръ, скосилъ все живое и опустошилъ жилища.

Открытые двери торопились съ беззаботностью уходить обитателей. Одна единственная дверь, въ мелочной лавѣ, — была какъ-будто притворена. Но и она поддалась первому напору солдата, покалеченаго его открыть. Козынъ, убѣгая, только захлопнула ее за собой. Лавка оказалась опустошенной.

Изъ предосторожности пантерѣ въ три-четыре человѣка предложили, съ оружіемъ въ рукахъ, осматривать каждое жилище, въ то время, какъ отрядъ поднимался впередъ. Вѣдь они насторожились, на то же опустошеніе; повсюду тѣ же ужасные, неминуемые стѣны пребыванія измѣнѣніи солдатческими: на столахъ, отпрокинутыя пустыя бутылки, у пороговъ станичныя съ постелемъ и пропыленными матрасами, означающіе, что, наливши виною, проплыли тутъ же на полу завалившись спать. Разбитыя окна, растерзанные шкапы, снятые съ болтовъ ставни говорили о томъ, какого рода разлечениія изобрѣтали опустошители солдаты.

Вдругъ, пройдя половину улицы, у зданія школы працоцрика Шамбрель въ ужасѣ остановился: почти на порогѣ, у самой стѣны, два тѣла — старика и ребенка. Подошелъ и д'Орвалъ. Взрослый лежалъ лицомъ внизъ. Солдаты повернули его: все лицо было изрыто пушами. Трутъ ребенка застыть въ сидичемъ положеніи, какъ будто соскользнутъ со стѣны, куда его присоединили. Голова съ обезкрѣвленнымъ, окочеганѣннымъ лицомъ склонилась къ лѣвому плечу. Казалось, что онъ спитъ. Но изъ продырявленного горда струились на рубашку кровь. Изъ руки ребенка капитанъ вынулъ деревянное ружье.

Люди молчали, невольно подавленные загадочностью этой мрачной драмы. Чѣмъ можно губить врага на эти два беззащитныхъ существа? Мужчина, по всей вѣроятности, школьный учитель, одинъ изъ тѣхъ, кто учить деревенскихъ дѣтей прекрасной истории Франціи. Но ребенокъ? Кто знаетъ? Быть можетъ, школьнікъ не хотѣлъ выпустить изъ своей маленькой руки руку наставника даже въ виду ружейныхъ дубъ...

Оба тѣла положили рядомъ на одинъ матрацъ. Потомъ, солдаты вырыли могилу, где эти благородныя эльзасо-французскія сердца мирно почли.

Въ то же время передняя часть команда достигла крайней вершины хребта. Порѣзъ вѣтра холодомъ обѣзѣлъ лица людей, когда они вступили на плоскость, съ воззышающейся передиѣй перевала, вокругъ которой, какъ вокругъ единственноѣнаго убѣжища, итилось кладбище. Злая яростъ наступающаго врага не больше пощадила мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Скоромный жеѣзинъ крестъ, воззышающейся надъ главными входомъ кладбищенской ограды, былъ смытъ и пригнуто къ земѣ. Не пощадили могиль: одна изъ плитъ послужила коромысломъ для лошадей или муловъ: на ней осталась еще зерна овса, а передъ могильной рѣшеткой, где привязывали скотину, виднѣлись слѣды подковъ.

Дойдя до пантеры, капитанъ д'Орвалъ машинально поднялъ глаза къ колокольню. Въ свѣтѣ на мѣръ показавшейся между тучами луны онъ успѣлъ разсмотрѣть циферблѣтъ, весь проѣзжавшій пунзами. Вѣроятно, какъ-нибудь веселый германскій офицеръ, раздѣявъ свой револьверъ на этой мишенѣ съ миѳическими стрѣлками, которыхъ столько разъ показывали часы работы и отдыха, а теперь висѣли изувѣченными и погодными къ службѣ.

Съ минуту на минуту усиливающейся вѣтре вихремъ завывалъ

Женскій Батальонъ Смерти. Раненые въ бою и находящіеся на излеченіи въ Петроградѣ.
Слева направо: Е. К. Иванова, А. И. Ясновская, М. Т. Арсеньева, Е. Г. Анастасія, М. С. Голубева, А. Ф. Конокова и И. И. Пурцица.

въ пустотѣ главнаго входа. Переступинъ три ступени, д'Орвалъ заглянулъ внутрь церкви. Наступающая ночь, еще больше черная отъ разыгрывающейся бури, наполнила внутренность храма.

Вдругъ, въ глубинѣ этого мрака, подъ сводами мелькнула дрожащей огонекъ, поползъ по хорамъ и опустился у главнаго алтаря надъ неугасимой лампадой. Второе красноватое пламя разрослось и разлилось и, при свѣтѣ этой святой лампады, д'Орвалъ успѣлъ разглядѣть сгорбленаго, сломленаго годами священника-служителя, съ головой, увраченней длинными сѣдыми волосами.

Весь отдѣвавшись святому дѣлу, старикъ стоялъ спиной ко входу, не чувствуя приближенія маленькаго отряда. Но слышалъ онъ ихъ даже тогда, когда они дошли до середины церкви. Быть ли онъ тутъ на ухо отъ проклоненныхъ лѣтъ, или разрывавшаяся на конецъ гроза заглушала шумъ? Только когда капитанъ сталъ рядомъ, онъ обернулся, и большой, поднятый сержантъ Гелль фонарь осѣтилъ его побѣлѣвшее отъ искупа лицо.

Д'Орвалъ старался его успокоить:

— Не бойтесь, мы — французы!
Но волненіе настутило слишкомъ внезапно, и, потерявъ сознаніе, забыть заматалась и соскользнула наземъ. Но данному знаку солдатъ отнесли его къ собственной ризину и уложили на скамью, свернувъ подъ головой солдатскую шинель вместо подушки. Потомъ, въ канцелярѣ, какъ будто приготовленномъ для какогонибудь праздника, засѣтили свѣтъ.

При ихъ свѣтѣ оказалось, что голова старика изъ крови: у лѣвой щеки были паранапы, слегка задѣзывающіе ухо. Къ счастью, послѣ промыски рана оказывалась поверхностной. Аббатъ спаль слабо дышать. Д'Орвалъ съ трудомъ заставилъ его проглотить

Женский Батальон Смерти. Раненые в бою и находящиеся на излечении в городском 264 лазарете в Петрограде. По фот. К. Булла.

и несколько капель кофе. Наконец ресницы пошевелились, старик вздохнул и открыл глаза.

— Ах! Французский офицер! — пропозись он, лица нефирной рукой руку канадца. И с выражением глубокого ужаса в глазах прибавил: — Если бы вы знали, что они сделали с моей женой! Всех приходили гулять, и женщины и дети!

Потом с горечью добавил:

— Хоть бы они проливали кровь, а то разстреляли старика-учителя только за то, что нашли в одной школьной тетради чистописание следующую фразу: „Наш Эльзас будет снова французским“. Это был мой брат.

Д'Орваль, католик старого закала из Бретани, растроганный, братки жалъ ему руки.

Старик продолжал:

— Они разстреляли и сына его Пьера. Пьеро! Мы его так звали. Ребенок семи лет. Когда повесили отца, ребенок спать склонившись щекой к деревянному ружью. Довольно было иметь это увидеть, чтобы взять ребенка и поставить рядом с отцом к стъги. Пьеро! Крестник мой бабушки! Еще недавно я стала призывать его помочь мне во время службы...

Помолчав несколько минут из уважения к первышающему человеческим чувства

Женский Батальон Смерти. Раненые в бою и находящиеся на излечении в городском 264 лазарете в Петрограде. По фот. К. Булла.

Совет боевых крестов Женской Батальон Смерти получила в бою 8—10-го июля у Споргана в Крево, на западном фронте. Денежные команды Н. Яльгатского полка, подчиненная Западевскому, в подчинении которому находилась Женский Батальон Смерти, будет занесено на страницы истории:

— Офицера Бонкарелль всплыл из воды героями, все время в передовой линии, неся службу караулью съ солдатами. При атаке пыталась, по своему посту, бросил, как один, в контроль-атаку; подносил патроны, ходил в секреты, а вблизи которых разыгрывал; своей работой команда смерти подавала призыбр храбрости, мужества и смелости, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна знания воина русской революционной армии.

К этому донесению нужно добавить: женщины-воины сражались не «наравне с солдатами», а много выше их. Часть боевых товарищей бросила их во время штурма Новоселского леса на разгром тяжкой въездной артиллерии и пехоты. Женский Батальон шелъ на уроцишь сибирскихъ войскъ, — бросалась на впереди и вынес своихъ раненыхъ. Некоторые изъ нихъ, въ вѣрши своему воинскому долгу, онѣ, во главѣ со своимъ командиромъ, рвутся снова на фронтъ.

отчаянію, д'Орваль спросилъ:

— Какими же чудомъ вы сами же господинъ аббатъ, спаслись и находитесь здесь?

На это аббатъ, проводя рукой по лбу, отвѣтилъ:

— Сказать по правѣ, самъ не понимаю. Вчера раннимъ утромъ, должно-быть, отступая, они вошли въ деревню. Тамъ было оконо изи-соты: кажется, все ба-варцы.

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ д'Орваль, которому было известно о количествѣ неприятеля изъ полу-ченного приказа.

— Они переполнили весь церковный дворъ, а меня вытолкнули вонъ. Вокругъ школы расположились ихъ офицеры. Всѣ они казались до того растерянными, что не трудно было понять, что отступление совершилось подъ напоромъ очень значительныхъ

силъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они приводили себя въ порядокъ и отдыхали, при чёмъ вели себя, какъ бѣшеные, желая на насъ вымстить свою прость за отступленіе. Въ подень мы съѣхались собраны изъ школы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ еще теплыхъ тѣлъ учителя и его сына. Поть, конечно, отвѣти сперва мужчины, потомъ въ противоположную сторону женщины, дѣтей и стариковъ, среди которыхъ былъ и я. Отъ головы, что ли,— и неѣтъ со вчерашнаго дна, — но я почувствовалъ вдругъ, что теряю равновѣсіе. Одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ конікомъ сабли

меня поддержать, но ударъ оглушилъ меня, и, потерявъ сознаніе, я упалъ. Клинокъ сабли ранилъ меня, и полилась кровь. Они же думали, что покончили со мной, и оставили умирать на дорогѣ. Вѣтъ какому чуду я обвязалъ тѣло, что находусь среди вѣтъ. Ночью, подъ острымъ, опущенiemъ холода, я пришелъ въ себя и дотащился до церкви. Первово мыслью было засѣстьть лампадку, принадлежащую Господу, спасшему своего слугу. Въ эту минуту мы и вошли въ церковь.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Четвертое министерство—Министерство Спасенія.

Сидятъ (слѣд.): П. П. Іэреньевъ (мин. путей сообщенія), Ф. Ф. Кокошкинъ (госуд. контролеръ), С. В. Пѣшехоновъ (мин. продовольствія), И. В. Некрасовъ (мин. финансовъ и замѣтитель министра-предсѣдателя), А. Ф. Керенский (министръ посольствъ, военный и морской мин.), Н. Е. Авксентьевъ (мин. внутреннихъ дѣлъ), В. Н. Черновъ (мин. земѣдѣлія), А. М. Никитинъ (мин. почты и телеграфа).

Стоятъ (слѣд.): А. В. Карташевъ (обер-прокуроръ Св. Синода), С. Ф. Ольденбургъ (мин. народного просвѣщенія), А. С. Зарудный (мин. юстиціи), И. Н. Ефремовъ (мин. государственного призрѣнія), Б. В. Савинковъ (управляющій военнымъ министерствомъ), М. И. Скоблевъ (мин. труда), С. Н. Прокоповичъ (мин. торговли и промышленности).

Въ группѣ новаго состава членовъ Временнаго Правительства отсутствуетъ министръ иностраннѣній дѣлъ М. И. Терещенко (см. портр. на стр. 157 въ № 10 "Нивы").

Политическое Обозрѣніе.

Четыре Правительства.

Когда изъ состава Временного Правительства ушли военный министръ А. И. Гучковъ и министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ, многие утверждали, что такимъ частичными отставками министровъ подыгрывалъ въ корыб сама идея революционной власти. Говорили, что разъ революционное движение поставило во главу Россіи определенную группу лицъ, то эта группа должна, во что бы то ни стало, донести до Учредительного Собрания довѣренную ей полноту власти. Предсказывали, что, если это начало не будетъ соблюдено, то министерские кризисы будутъ у насъ следовать за министерскими кризисами, и въ революционной Россіи повторится та самая „министерская хекада“, которая ознаменовала себѣ постыднейшіе годы старого режима.

Къ сожалѣнію, этому предсказанію суждено было осуществиться. Съ начала революціи не прошло еще и пяти мѣсяцій, а у власти успѣло смынкнуться четвертое составъ Временного Правительства, и ни у кого нѣтъ настоящей увѣрѣнности, что больные перемѣзы не будетъ, и что съ Временнымъ Правительствомъ четвертаго состава мы дѣйствительно доживемъ до Учредительного Собрания. Какъ будто и въ самомъ тѣлѣ революционной власти отгоревшая изъ своихъ первоосновъ, и ей угрожаетъ величайшая опасность— повинуть въ воздухѣ.

Первое Временное Правительство было, какъ всѣмъ памятно,

назначено Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы по соглашенію съ Петроградскимъ Соѣзтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Въ немъ были представлены различнія думскія фракціи, назинаны отъ трудниковъ, въ лицѣ А. Ф. Керенского, и по группѣ центра, въ лицѣ В. Н. Львова. Второе Временное Правительство, называемое „коалиціоннымъ“, включило въ свою ряды официальныхъ delegatovъ партій с.-д. и др. Образованіе его было подготовлено и одобрено тѣми же двумя революционными установлениями — Временнымъ Комитетомъ Думы и Петроградскимъ Соѣзтомъ. Третье Временное Правительство, торжественно признанное „Правительствомъ Спасенія Революціи“, было наименѣе долговѣчно. Оно сформировалось путемъ вѣкотораго внутренняго переустройства и приглашенія на министерскіе посты представителей молодой и мало влиятельной радикально-демократической партіи. Временный Комитетъ Думы вовсе не участвовалъ въ его составленіи. Центральный Исполнительный Комитетъ Соѣзта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ санкционировалъ его, когда оно уже стало совершившимъ фактомъ. Четвертое Временное Правительство фактически образовано лично А. Ф. Керенскимъ: министры, Думскій Комитетъ, Центральный Комитетъ Соѣзта и политическихъ партій единодушно предоставили министру-предсѣдателю неограниченныя полномочія и полную свободу въ дѣлѣ обновленія власти.

Четвертое правительство революционной России есть правительство Керенского. Его называют также "Правительством Спасения Страны". Это название характеризует то настроение, подъявлением которого составилось правительство Керенского, и та чистота, которая связывает с ним русское общественное мнение. Господствующее у нас сейчас настроение отмечено чертами разочарования и усталости. Мы разочарованы разительным, которое получила наша начавшаяся при таких прекрасных преданований революции, и мы устали от внутренних нестроений, от партийных передач, от бесконечного потока вспышек эпифеноменальных, а по существу пустых слов. Усталость рождается тоску по твердой власти, разочарование заставляет вспоминать о душевном подъеме первых революционных дней.

Уроки, которые признаки нации, "вкуса" и "антузиазма" из революции наблюдалось уже давно. Но только теперь, посль ленинскому бунту в Петрограде и тяжелого поражения на фронте, все убилились, что так далее жить нельзя, что революционная Россия подошла к краю пропастей. Повторилась опять же старая и вечно юная история. Общественные процессы совершаются медленно и постепенно в толще широких кругов населения. Иногда—более трезвые и проницательные—подч抑郁ают их, заблаговременно. Массы "прозрывают" только тогда, когда общественный процесс уже запущен и есть для всех димы и очутимые результаты. Для ленинцев разладила нашу национальную политику и глашайную опцию национальной в первых днях революции. Самого Ленина еще не было в России, а его идеи уже оказывали самое разрушительное действие на нашу государственную и общественную жизнь, подрывали веру в равенство материальной силы, на которую эта власть опиралась. Ненинство в армии пошло у нас от приказа № 1*. Центристо по вынужденной политики существует с тех пор, как на почве конфликта между Временным Правительством и Собраниями Рабочих и Солдатских Депутатов установленное так называемое "двоевластие".

Запущенная интернационализм и бунтарство, ленинство остаются, как и учение, крамольным и законченным. По взгляду на международные отношения оно до сих поръ върно лозунгу

коммунистического манифеста: "у пролетариев нет отечества" Въ области внутреннего государственного порядка оно, пренебрегая мирной эволюцией, проповедует "диктатуру" и "захват власти". Ленинцы у нас стригли войну и национальную оборону и защищали идею "братьев" русских пролетариевъ съ германскими. Таки понятия, кака Россия, родина, отечество, были ими объявлены "бумажными" и взяты подъ формальный запрет. Но, конечно, "братья народовъ" проповедь ленинцевъ не принесла, и единственнымъ ея результатомъ явилось поражение русской революционной армии и новое торжество германского милитаризма. Въ стремлении къ "захвату власти" или къ передаче ее Собраниямъ, которые не хотятъ ее братъ, ленинцы устроили всоруженные манифестиации и битвы. Конечно, и здесь они потерпели неудачу. Но, не захвативъ власти, ленинцы успели разстроить съ механизмомъ и помешать ея практической работы. Справедливость однако требуетъ сказать, что, въ конечномъ итогѣ, они, со своей точки зорь, были съвершенно носительствомъ.

И вотъ теперь ленинство наконецъ, но крайней мѣрѣ на время, исчезло съ нашей политической сцены. Намъ нужно по возможности захватить раны, нанесенные намъ Россіи, собрать и укрепить власть, пополнить боеспособность арміи, восстановить порядокъ внутри страны. За эти задачи берется четвертое правительство, правительство Керенского, и если ему удастся ихъ осуществить, оно спасетъ Россію, а если онъ спасетъ Россію, оно спасетъ революцию. Но для этого правительство должно ясно видѣть и грамотно помнить, въ чемъ была сила нашего революционного движения: въ его чистотѣ, и откуда пошла его слабость. Наша революция была,毋論, чистоты и прекрасна, пока она была революціей народа. Она выродилась и стала клониться къ упадку, когда раздѣлилась на меловые партийные и классовые счёты, когда величавый народъ началъ раздѣляться на множество мелкихъ и мутныхъ группокъ. Если мы хотимъ спасти революцію или то, что изъ нее завоевано, еще можно быть спасено, намъ нужно вернуться къ ее чистымъ национальнымъ истокамъ.

Проф. К. Соколовъ.

Видѣніе воина Пелгусія.

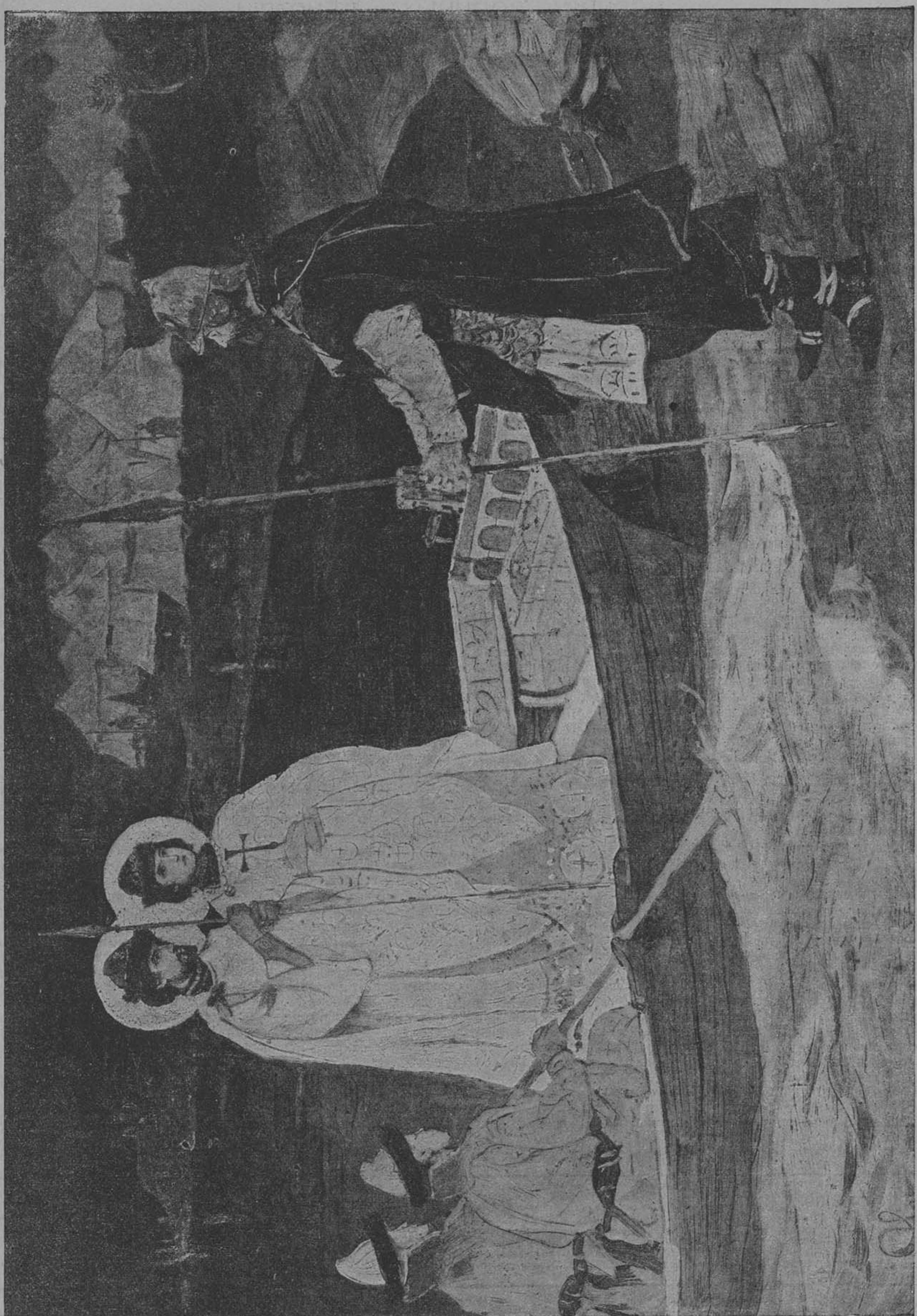
(1240 г.)

День дневала
Нева,
Въ зѣй дремала;
Насталь вечерь,
Зажглись терема.
На нѣбѣ
Гурь свечій
О Золотомъ Баранѣ
Плачетъ:
— Ужъ какъ ты ли, баранъ, да не прячъ
Рожки,
Ужъ какъ ты ли, ночь,
Барана не трожь—
Краснаго,
Золотого,
Однаго единственнаго у
Ласковаго такого.
Послѣдній лучъ
Погасъ,
Солнце
Пало за прясло,
Послѣдній пучъ,
Невская вишка,
Ижора-рѣка,
Примостилась въ туманахъ лѣчь.
Рѣка Ижора,
А тамъ— болота кочки вадули,
А тѣмъ ужо
Море—Ладога,
Въ лѣсахъ по дуламъ улы
Зѣбрь—какого надо,
Чаша-трухоба,
И опять и опять она,
Почти, на тысячу верстъ,
Да съ лихой еще,
Новгородская уши птица
Полети рати
Въ росахъ наземь,
Ночь перемыкатъ.
Завтра умирать
Бокъ о бокъ съ княземъ.
У князя Александра сѣятый никъ,
Мудрость въ очахъ отъ Софии-матери,

А судьба человѣчья—тѣма:
Чѣтъ на завтра—никому нѣвѣдомо:
Новгородъ—шведа,
Шведъ ли Новгородъ?
Хитръ сноровка
Чѣя боевая?
Кому скѣлько будетъ Нева?
„Будеть Новгороду черный пиръ!“—
Думалъ шведскій воевода Биргеръ,
„Сбѣйши коромысли,
Доски—
Теша—
У Биргера острый мечъ.
Пчелы, собирайте желтый воскъ
На пчельянія сбѣчи,
За уложеніи души!“
Сторожиль въ нѣчъ
Берегъ Невскій
Братъ молочный
Александра-князъ—
Всінъ Пелгусъ.
Слушаешь, какъ язъ
Болтыхаешь въ тинѣ,
Да дикий гуси—
Гогочутъ въ заводы.—
Отъ судьбы не уйти,
Завтра—гроза!

У Пелгусія-воина
Жизнь достойная,
Тихъ иравъ—
Богомольный, простой..
Паль на травы:
— „Господи Боже!
Помысли къ тебѣ рунотъ,
А угоди-кто я негожий,
А молитвы мои кущи;
Господи Боже,
Не осуди!
Не попъ я греческий,
Въ мольбѣ неловокъ,
Не знаю священныхъ словъ.
Сохрани вѣче,

Примурдую Софию,
Прими поль покровъ
Рязь гостинъ,
Церкви святыхъ,
Разрухи не допусти,
Спаси отъ шведа,
Какъ спасъ отъ Батыя!..
Надъ ширью Невской
тѣма—тишина,
И вѣръ—
Въ ярко блескѣ
У берега—
Чудесный,—
Винитъ Пелгусъ,—
Качаетъ стругъ,
И чынъ-ѣѣнъ,
Какъ слакія гусь.
Да Пелгусъ
Долетѣтии варугъ:
— Братъ Глѣбъ,
Да поможемъ князю-сранику
Новгородскій беречъ наорла,
Браѧ Глѣбъ.,
И опять невскій берегъ во мглѣ...
Силу русской врагъ
Отвѣль, —
Утромъ битва—пора!
Шведы
Подъ ударами
Пали нѣцъ,
Злыя бѣлья птицы
Улетѣли
Тѣмъ же вечеромъ,
А рыцарь Биргеръ считалъ на тѣлѣ
Раны,
Кляль Александровъ мечъ
И удѣль его бранный,
Въ смутный семнадцаты годъ
Святые угодники
Борисъ
И Глѣбъ,
Помолитесь
О Русской Землѣ!
Валентинъ Горянскій.

Виды воина Целгусия. Свв. Борисъ и Глѣбъ являются почтому стражу Александра Невскаго.

Иллюстрація.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клеркъ.

Атаки противника на румынскомъ фронѣ.

Трехнедѣльные послѣдствія Тарнопольскаго прорыва, начавшагося 5-го юля, свелись въ послѣдній числа юля къ ликвидаціи почти всѣхъ нашихъ завоеваній въ Галиції и Буковинѣ. Наша войска къ указанному моменту, въ районѣ к югу отъ Гусистина и вилотъ до Кимпидунгскаго направления, выстроились вдоль самой австро-русскої и австро-румынскаго границы. Лишь только сбѣрнѣе Гусистина, черезъ Зброжъ, Броды и на Берестечко, на узкой полосѣ шириной въ 15—25 верстъ, мы стоимъ пока еще на территоії Галиціи и сохранили свои линии, несмотря на нѣкоторыя попытки противника атаковать насъ на направлѣніи Броды—Дубно.

Въ результатѣ трехнедѣльной наступательной операциіи, австро-германцы удались „дезансировать“ такимъ образомъ всю восточную часть Галиціи и Буковину. Наші противники, воспользовавшись политическими-насажденіями настроеніемъ нашей арміи, стали вилотную передъ сбѣрющимъ вопросомъ: анексировать ли русскую Бессарабію и румынскую Молдавію одновременно, или, быть можетъ, совершировать отказъ отъ того и отъ другого, въ цѣляхъ использования военно-политического момента въ стремленіяхъ достичь столь желанного сближенія съ Россіей міра.

Попытка, подобная колебательному настроенію, проходила постепенно три-четыре дни въ германской главной квартире, которая, появившимъ на себѣ сихъ поръ находиться какъ бы въ „бѣдствіи“, состояніи отъ нежданной негативной выпавшей на ихъ долю счастливой и безжалостной бѣди. Могущій для центрально-европейскихъ державъ, смирился съ миромъ и на измѣняющихся насквозь побѣгахъ Англіи, Франціи и Америки, во отношеніи Россіи взялъ чрезвычайно позорливый и крайне заманчивый. Рѣшился въ дальнѣйшемъ походить на предыдущіи выигрыши германской демократіи. Оставаться въ предыдущихъ доказуемыхъ чувствахъ язвы и голода чрезвычайно трудно. А собѣ здѣсь видѣть слишкомъ ужъ близко передъ концами измѣнчивыхъ штыковъ расположаются болгарскій полкъ Молдавіи и Бессарабіи для того, чтобы фельдмаршалъ Гинденбургъ не рискнуть еще одинъ разъ подчиниться на дѣлѣко-румынскаго фронта.

Прекрасный образецъ „головной настроеніи“ австро-германской арміи рисуетъ одно изъ послѣдніхъ сообщеній штаба германского главнокомандующаго, въ которомъ говорится о томъ, что, по достиженню данныхъ пограничной рѣки Зброжъ, противникъ немедленно приступитъ къ сбору урожая въ занятой имъ полосѣ мѣстности западнѣе послѣднаго называемаго воинскимъ рѣбека. Много ли залагошь можетъ найти австро-германскія арміи въ 60-верстной полосѣ отвоеваніи ея территоіи, говоритъ не будемъ, но зато легко себѣ можемъ представить съ какимъ вождѣствиемъ она добилась бы до хорошаго нашего урожая по ту сторону Зброжа.

Пока, такимъ образомъ, не опредѣлилось еще итогъ оперативнаго настроения германской главной квартиры, мы не можемъ съ достаточной очевидностью сказать о томъ, каковы будутъ близкайшіе шаги фельдмаршала Гинденбурга. Однако нѣкоторыя боевые хѣбѣтвія послѣднаго времени прѣкращаютъ заявку наль возможными очередными попытками австро-германцевъ.

Обращающія на себя вниманіе стремленія противника разрывать свою наступательную хѣбѣтвія съ обоихъ концовъ молдаво-румынскаго Серета, составляющаго собою лѣвый притокъ Дуная. Въ Буковинѣ противникъ уже пододелъ вилоту въдоль къ австро-румынскаго границы и, укрепившись на верховьяхъ упомянутаго притока Дуная, стремится наступать съ сѣвера на югъ по его долинѣ и по долинѣ ближайшаго притока Серета. Судячи. одновременно съ этимъ въ текучіе послѣдніхъ двухъ-трехъ дней онъ атакуетъ русско-румынскіи позиціи и на Фокшанско-южномъ направлѣніи въ 200 верстахъ к югу отъ Радауца, стремясь форсировать нижнее текучіе Серета въ направлѣніи жѣлезнодорожной линіи Текущи—Берзда.

По отношенію къ этимъ двумъ атакующимъ группамъ противника, участокъ молдаво-румынскаго фронта къ западу отъ Серета, расположенный по приграничнымъ отрогамъ Карпатъ, находится подъ угрозой окната съ двухъ фланговъ. Ближайшая задача Гинденбурга намѣщена, кондіміонно, очищеніе западной румын-

ской Молдавіи и овладѣніе всѣмъ течениемъ Серета отъ Буко-вини до Фокшанъ и даже до Браилова.

Однако это наступленіе противника можетъ быть осуществлено лишь при пассивномъ настроении нашей арміи, каковомъ мало-мѣру начинается слаживаніе.

Между кимпидунгскимъ щоссе и горой Ла-Мутелу противникъ произвелъ рядъ атакъ, большая часть которыхъ отбиты. Нѣкоторые изъ нашихъ доблестныхъ полковъ, разстрѣльвъ всѣ патроны, отбивались пытками и камнями, которые сбрасывали подъ ноги.

Этотъ боевой эпизодъ, позиціи сказочный и билинній характеръ, представляется наглядной иллюстраціей настроения нашихъ войскъ, защищающихъ отъѣзжую Кимпидунгскаго направление изъ сбѣрнѣй нашихъ частей относятся къ выполнению возложенныхъ на нихъ задачъ, встрѣчаются въ такѣе яркіе примѣры высокого понятія о долѣ.

Къ счастью, эти благоприятные для дѣла обороны симптомы совпадаютъ съ вѣзѣніями, какъ въ данномъ случаѣ, участками позиций и операционными направленіями. Въ тотъ моментъ, когда наши войска, очистившіе Галицію и Буковину, пододоли къ государственной границѣ, возникло крайнѣе опасеніе за судьбу румынской Молдавіи, такъ, какъ малѣйший серьезный успѣхъ противника въ посѣдѣніи направлѣнія могъ лишить нашихъ союзниковъ ихъ родной территории.

Используяше въ этомъ отношеніи значеніе привадлежитъ Кимпидунгскому позиціямъ нашихъ и румынскихъ армій, прикрывающимъ собою Дорогой-Ботуанскій районъ сбѣрнѣй Румыніи. Однако проникнувшись въ предѣлы Румыніи противника встрѣчать довольно активное сопротивленіе со стороны нашихъ войскъ, державшихъ въ Буковинѣ.

Рѣшь атакъ противника небольшого напряженія, какъ говорить соображеніе, бердышеваго главнокомандующаго, отбиваются измѣненіемъ волевы.

Значительно болѣе большое вниманіе удѣляется за текущую истѣлью противника, вѣзѣніямъ, дѣйствіямъ въ предѣлахъ Карпатскихъ, перероловъ на Сарегенскомъ, Окницкомъ и Кеди-Возарельскомъ, направленияхъ. По нѣкотору разъ въ день переходѣ въ измѣненіе австро-германскіи атакуютъ наши и румынскіи позиціи по долинамъ рекъ Случа, Лабтина, Ойтса и Касны, стрѣмясь выйти въ нижнюю часть Молдавіи къ берегамъ оборонительного рубежа Серета. Посѣдѣнія четырехъ долинъ горныхъ Карпатскихъ рѣбекъ находятся въ районѣ города Окна, расположенного на Трутонѣ, состоящемъ правымъ притокомъ Серета.

Концентрируя свою усилия въ сторону города Окна, противникъ стремится выйти на берега жѣлезнодорожной линіи Рамада—Балагу—Алкуду—Фокшаны и тѣмъ, парализовавъ оборонительную тактику нашихъ и румынскихъ армій, сдерживавшую напоръ атакующихъ австро-германскихъ войскъ на Фокшанско-южныхъ направлѣніяхъ.

Въ общемъ активность противника въ долинахъ притоковъ рекъ Трутонъ не имѣетъ серьезнаго успѣха и ликвидируется удачными контратаками нашихъ и румынскихъ войскъ.

Не прекращающіе напоръ, по обѣ стороны жѣлезнодорожной дороги Фокшанъ—Мерешени приводятъ къ упорной борѣѣ на переправахъ, черезъ реки Тырла-де-Сусъ и Сунишъ, прорвавшись параллельно боевому фронту расположенному обѣихъ сторонахъ. По сравненію съ первоначальнымъ положеніемъ здѣсь нашихъ позицій, мы отодвинулись въ сбѣрнѣй-восточномъ направлѣніи на разстояніе 6-7 верстъ. Рубежомъ, разграничающимъ на этомъ направлѣніи наши и австро-германскіи позиціи, является рѣка Сунишъ, прыкающая со стороны линіи жѣлезнодорожной дороги Мерешени—Текущи, ссылающаяся дѣйствіемъ главной жѣлезнодорожной магистраліи, отходящей на сѣверъ въ сторону Берзда и Рамада.

Со стороны нашихъ войскъ предпринимаются активныя усиія, чтобы не допустить дальнѣйшаго продвиженія противника въ сбѣрнѣй-восточномъ направлѣніи и форсированія центральнаго участка рѣзы Серета.

На остальномъ участкѣ молдавскаго фронта вилотъ до рѣки Дуная никакихъ измѣненій въ текучіе юла обнаружено не было. Такоже тихо до сихъ поръ и на правомъ Добруджанско-берегу Дуная, тѣмъ, повидимому, не имѣя солидныхъ резервовъ, противникъ не пытается дѣже атаковать наше расположение, прикрытое прикорюнными водными рубежами Серета и гирляндой ниж资料 D. N. Mamin-Сибирь книга 49 и 50.

Рисунки: Засѣй Свободы А. Семеновъ.—Иллюстраціи И. Горошкіна. Сорокопудъ къ размѣсу Владимира Воннова „Голова китайца“.—Иллюстраціи А. Введенскаго къ размѣсу „Погребальная пѣсня—Шаха слушаетъ въ Сурѣнѣ“. Женскій Евангеліе.—Софія Романова въ болѣ и хладѣніи.—Иллюстраціи Петроградъ (3 пис.). Четвертое министерство—Министерство Спасѣнія.—Вѣдѣніе князя Палгусты. И. Ижескъ.

Къ этому № прилагается „Полное собраніе сочиненій Д. Н. Маміна-Сибирь“ книга 49 и 50.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайлівский проспектъ, д. № 29.

Содержание. ТЕКСТЫ: Голова китайца. Разсказъ Владимира Воннова—Луна музика. Стихотвореніе К. Бальмонтъ—Парень и девка. Стихотвореніе Михаила Адреева.—Громъ и дѣлъ. Разсказъ А. Евменова. III. Стихотвореніе Михаила Бакунінскаго.—Стихотвореніе Владимира Келера.—Аббатъ. Рассказъ Валентина Борисовскаго.—Воспоминанія профессора К. Соколова.—Вѣдѣніе князя Палгусты. Стихотвореніе Валентина Горянскаго. Дневникъ военныхъ дѣйствій. Г. Клеркъ.—Объявленіе.—Задача, загадка и ребусы.